

**Управление систематизации законодательств и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение практики и правовых позиций международных
договорных¹ и внедоговорных органов по делам (вопросам),
связанным с защитой права лица, в отношении которого
направлен запрос о выдаче, не подвергаться в
запрашивающем государстве пыткам, иным формам
недопустимого обращения (наказания)²**

2017 г.

¹ Включая Европейский Суд по правам человека (далее – также Европейский Суд, Суд).

² С целью комплексного освещения вопросов обеспечения прав человека *в ходе осуществления процедуры его выдачи*, а также в связи с продолжающимся контролем со стороны Комитета министров Совета Европы за исполнением Российской Федерацией группы дел «*Гарабаев против Российской Федерации*» в части избрания в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу, а равно продления срока содержания такого лица под стражей и процедуры обжалования соответствующих судебных решений, посчиталось целесообразным в настоящем Обобщении изложить правовые позиции по вопросам, в том числе, защиты права выдаваемого лица на свободу и личную неприкосновенность.

Оглавление

1. Общие положения	3
2. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу могут быть применены пытки, иные формы недопустимого обращения (наказания)	6
2.1. Оценка <i>общей ситуации</i> с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве.....	13
2.2. Оценка наличия <i>личной угрозы</i> в запрашивающем государстве	14
2.3. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу может быть применена смертная казнь	17
2.4. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено нарушение права на свободу и личную неприкосновенность и/или права на справедливое судебное разбирательство.....	20
2.5. Вопрос о достаточности дипломатических гарантий, предоставляемых запрашивающим государством	25
2.6. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении выдаваемого лица	28
2.6.1. Право выдаваемого лица на незамедлительное сообщение о причинах его ареста и предъявленных обвинениях	30
2.6.2. Продолжительность применения в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу	30
2.6.3. Пересмотр решения о применении меры пресечения в виде заключения выдаваемого лица под стражу либо решения о продлении срока содержания такого лица под стражей	31
2.6.4. Право на оперативное рассмотрение жалобы на решение об избрании в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу либо на решение о продлении срока содержания такого лица под стражей	38
2.7. Обеспечение принципа презумпции невиновности в отношении выдаваемого лица	41
2.8. Практика международных договорных органов.....	42
2.8.1. выдача в Азербайджан	42
2.8.2. выдача в Республику Беларусь	43
2.8.3. выдача в Казахстан.....	46
2.8.4. выдача в Колумбию	51
2.8.5. выдача в Кыргызстан	52
2.8.6. выдача в Мексику.....	61
2.8.7. выдача в Таджикистан	63
2.8.8. выдача в Туркменистан	73
2.8.9. выдача в Узбекистан	75

1. Общие положения

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации³

Договаривающееся Государство вправе на основании общепризнанных норм международного права и договорных обязательств, включая Конвенцию [о защите прав человека и основных свобод], контролировать въезд, проживание и высылку иностранцев. Конвенция и Протоколы к ней не предусматривают право на предоставление политического убежища... Европейским Судом в качестве прецедента давно установлено, что выдача Договаривающимся Государством может затрагивать вопросы по статье 3 Конвенции и, следовательно, повлечь ответственность такого государства в соответствии с Конвенцией, когда есть веские основания полагать, что данное лицо может, в случае его выдачи, столкнуться с реальной опасностью подвергнуться запрещенному статьей 3 Конвенцией обращению в принимающем государстве. Установление такой ответственности в обязательном порядке включает оценку условий в запрашивающем государстве с точки зрения стандартов статьи 3 Конвенции. Тем не менее вопросы вынесения судебного решения в отношении ответственности принимающего государства, а также установления такой ответственности на основании международного права в целом, Конвенции или иным образом, не рассматриваются. Любая ответственность, которую возлагает или может возлагать Конвенция, распространяется на государство-участника, осуществляющее выдачу, в связи с его действиями, прямым следствием которых является риск для лица подвергнуться запрещенному жестокому обращению... Едва ли можно было считать соответствующим «общему наследию политических традиций, идеалов, свободы и положений закона», на которые ссылается преамбула Конвенции, если бы Договаривающиеся Государства производили выдачу лица другому государству, заранее зная о том, что существуют веские основания полагать, что данное лицо будет подвергаться пыткам или бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию (пункт 115 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

³ Тексты постановлений были получены Верховным Судом Российской Федерации из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека-заместителя Министра юстиции Российской Федерации. По делам в отношении третьих государств использовались тексты постановлений на русском языке, размещенные на официальном сайте Европейского Суда в поисковой системе HUDOC, а также в справочной правовой системе «КонсультантПлюс».

Европейскому Суду хорошо известны огромные трудности, с которыми в настоящее время сталкиваются государства-участники при защите своего общества от террористической жестокости. Однако даже в этих условиях Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] накладывает абсолютный запрет на пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения потерпевшего. Запрет ненадлежащего обращения, предусмотренный статьей 3 Конвенции, является равным образом абсолютным по делам о выдворении или выдаче. Таким образом, как только возникают существенные основания полагать, что лицо столкнется с реальным риском подвергнуться ненадлежащему обращению в нарушение статьи 3 Конвенции в случае передачи в другое государство, обязанность Договаривающегося Государства защищать его или ее от такого обращения подразумевается в случае выдворения или выдачи. При этих обстоятельствах деятельность обсуждаемого лица, даже нежелательная или опасная, не может быть предметом рассмотрения (пункт 126 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

[С] точки зрения публичного международного права юрисдикционная компетенция государства имеет прежде всего территориальный характер. Соответственно, возможность государства осуществлять юрисдикцию над своими гражданами за границей ограничена территориальной компетенцией другого государства и государство, как правило, не может осуществлять юрисдикцию на территории другого государства, без согласия последнего, приглашения или одобрения. Статья 1 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] должна рассматриваться как отражающая обычное и в существенной степени территориальное понятие юрисдикции (пункт 206 постановления от 7 января 2010 г. по делу *Ранцев против Республики Кипр и Российской Федерации*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека⁴

Статья 15 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма⁵ признает обязанность государств проводить расследование фактов предполагаемого преступления, связанного с терроризмом, судебного преследования и выдачи предполагаемого виновника. По мере усиления транснационального характера террористических сетей происходит соответствующее развитие

⁴ Переведенные на русский язык тексты решений и иных документов договорных и внедоговорных органов, действующих в рамках Организации Объединенных Наций, включая Совет ООН по правам человека, выдержки из которых приведены в настоящем Обобщении, размещены в соответствующем разделе официального сайта Организации Объединенных Наций:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/HumanRightsBodies.aspx>

⁵ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора.

международного сотрудничества и правовой взаимопомощи в проведении расследований и судебном преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с терроризмом. Теперь государства обязаны сотрудничать в транснациональных контртеррористических расследованиях (включая арест и задержание подозреваемых) по запросу о правовой взаимопомощи и выдаче подозреваемых и лиц, скрывающихся от правосудия. Однако эти обязательства вступают в силу при условии соблюдения государствами изначальных международных обязательств об отказе в предоставлении такой помощи, если в результате лицо подвергнется реальному риску применения к нему пыток или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или «вопиющей несправедливости» (пункт 33 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 г. A/HRC/20/14).

В международном праве прав человека принцип невозвращения явно оговаривается в статье 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая запрещает передачу лица в страну, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. В Международном пакте о гражданских и политических правах обязательство не выдавать, не депортировать, не высылать или не передавать иным образом какое-либо лицо, хотя прямо и не зафиксировано в отдельном положении, не ограничивается угрозой применения пыток, а распространяется также и на нарушения права на жизнь и, кроме того, на жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания⁶ (пункт 45 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Практика «произвольных выдач», т.е. неофициальной передачи того или иного лица из-под юрисдикции одного государства под юрисдикцию другого в результате переговоров между административными органами двух стран (часто разведывательными службами) без обеспечения процедурных гарантий, безоговорочно противоречит требованиям международного права. Когда правительство уклоняется от обеспечения процедурных гарантий, в частности права потерпевшего быть выслушанным, оно не может добросовестно заявить, что предприняло разумные шаги по защите прав человека этого лица после его передачи, включая право не подвергаться произвольному задержанию. Следовательно, оно будет разделять ответственность за последующее произвольное задержание (пункт 50 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

⁶ См., например, пункт 12 Замечания общего характера № 31 Комитета по правам человека относительно статьи 2 Пакта.

2. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу могут быть применены пытки, иные формы недопустимого обращения (наказания)

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

При рассмотрении вопроса, прежде всего, *должны учитываться предсказуемые последствия отправки заявителя в страну, которая требует его экстрадиции или высылки, принимая во внимание общую обстановку в рассматриваемой стране и обстоятельства дела заявителя* (пункт 59 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

В свете своей... правоприменительной практики Европейский Суд должен установить, имелся ли действительный риск жестокого обращения в случае выдачи..., и был ли этот риск оценен до принятия решения о выдаче со ссылкой на факты, которые были или должны были быть известны в момент выдачи (пункт 77 постановления от 7 июня 2007 г. по делу *Гарабаев против Российской Федерации*).

Чтобы определить, имеется ли угроза жестокого обращения, Европейский Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя в принимающее государство, учитывая общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства... В принципе заявитель обязан представить доказательства, подтверждающие наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного [с]татьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... Если такие доказательства представлены, государство-ответчик обязано рассеять любые сомнения в связи с ними (пункт 112 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябикин против Российской Федерации*).

Прецедентная практика Суда по вопросу нарушений статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не требует, чтобы внутригосударственные суды точно устанавливали, будет ли лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, подвергнуто пыткам в случае его возвращения на родину: *единственное, что необходимо установить — это существование «реальной опасности» жестокого обращения...* Суд напоминает, что «требовать от заявителя предоставления «неоспоримых» доказательств опасности жестокого обращения в запрашивающей стране — это все равно, что требовать от него доказательства того, что что-то произойдет в будущем, а это невозможно; в этом случае на заявителя было бы возложено явно несоразмерное бремя»... Любое утверждение такого рода

всегда касается возможности, чего-то, что может произойти или не произойти в будущем. Следовательно, подобные утверждения нельзя доказать таким же образом, как прошлые события. *От заявителя можно требовать лишь доказательств (со ссылкой на конкретные факты, имеющие отношение, к нему самому и к той категории лиц, к которой он относится) наличия высокой вероятности того, что он будет подвергнут жестокому обращению (пункт 128 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу Азимов против Российской Федерации).*

В то же время простая возможность применения жестокого обращения лишь на том основании, что ситуация в стране не является стабильной, не составляет сама по себе нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].... В случаях, когда имеющиеся у Суда источники описывают общую ситуацию, особые утверждения заявителя в данном случае должны быть подтверждены другими доказательствами (пункт 61 постановления от 1 марта 2016 г. по делу Холмуродов против Российской Федерации).

При определении наличия веских оснований, дающих основание предполагать существование действительного риска жестокого обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, Европейский Суд оценивает данный вопрос в свете и на основании всех представленных ему доказательств и фактов по делу либо, при необходимости, на основании данных, полученных по собственной инициативе. Так как характер ответственности Договаривающегося Государства в соответствии со статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в делах подобного рода заключается в том, что государство подвергает лицо риску ненадлежащего обращения, наличие самого риска должно в первую очередь оцениваться с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающейся Стороне в момент осуществления выдачи; тем не менее Европейскому Суду не воспрещается принимать во внимание информацию, появившуюся после выдачи. Это может иметь значение при подтверждении или опровержении оценки обоснованности или необоснованности опасений заявителя, представленной Договаривающимся Государством ... Тем не менее если заявитель не был выдан или депортирован во время рассмотрения дела Европейским Судом, то таким моментом будет считаться период судебного разбирательства ... Подобная ситуация может возникнуть, когда выдача или депортация была отложена в результате указаний Европейского Суда о применении обеспечительных мер на основании правила 39 Регламента Европейского Суда. В большинстве случаев такое указание значит, что Европейский Суд не обладает совокупностью всех необходимых доказательств для установления существования незаконного в соответствии со статьей 3 Конвенции обращения в стране, в пользу которой осуществляется выдача.... Более того, достаточно даже незначительной степени жестокости при таком

обращении, чтобы оно попадало под действие статьи 3 Конвенции. Оценка такого минимального уровня, исходя из природы вещей, является относительной; его определение зависит от всех обстоятельств дела, таких, как характер и сопровождающие такое обращение или наказание обстоятельства, способ и метод исполнения, продолжительность, а также физические и психологические последствия... Заявления о наличии жестокого обращения должны надлежащим образом основываться на доказательствах (пункт 115 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

*Европейский Суд должен быть убежден в том, что оценка,⁷ данная властями Договаривающегося Государства, является адекватной и достаточно подкрепленной материалами, полученными как на внутригосударственном уровне, так и материалами из других надежных и объективных источников, таких, как, например, другие Договаривающиеся или недоговаривающиеся государства, органы ООН и уважаемые неправительственные организации. В рамках задачи по надзору в соответствии со статьей 19 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] слишком узкий подход применялся бы в соответствии со статьей 3 Конвенции по делам, касающимся иностранцев, подлежащих высылке или выдаче, если бы Европейский Суд, как международный суд по правам человека, учитывал лишь материалы, представляемые властями рассматриваемого Договаривающегося Государства без сравнения их с материалами из других надежных и объективных источников (пункт 120 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).*

При рассмотрении такой угрозы⁸ *Европейский [С]уд оценивает ситуацию в ее развитии, принимая во внимание данные об улучшении или ухудшении ситуации с правами человека в целом или в отношении конкретной группы или территории, которые могут относиться к положению заявителя (пункт 34 постановления от 11 октября 2011 г. по делу *Шарипов против Российской Федерации*).*

⁷ Наличие в запрашивающем государстве угрозы обращения, противоречащего, например, статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁸ Заявитель подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Практика Комитета по правам человека⁹

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 31, в котором он касается обязательства государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять иным образом лицо со своей территории, когда имеются существенные основания полагать, что имеется опасность причинения невозместимого вреда, такого как предусмотрено в статьях 6 и 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]¹⁰. Комитет также напоминает, что *рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны проводиться органами государств-участников*¹¹ (пункт 9.3 Соображений Комитета по правам человека от 18 июля 2014 г. по делу *З. против Австралии*).

[Г]осударства-участники не должны подвергать лиц опасности применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания по их возвращении в другую страну посредством выдачи, высылки или возвращения (*refoulement*)¹². Реализация этого принципа не должна зависеть ни от каких соображений относительно характера преступного поведения, в котором лицо подозревается или обвиняется¹³. Комитет отмечает, что вытекающий из статьи 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах] *принцип запрещения высылки налагает на государство-участник обязательство провести тщательную оценку информации, которая была известна или должна была быть известной властям государства-участника на момент экстрадиции и которая имеет значение для определения сопряженных с экстрадицией рисков*. Комитет напоминает, что если государство-участник переводит лицо, находящееся в пределах его юрисдикции, под юрисдикцию другого государства и имеются

⁹ Комитет по правам человека (далее – Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

¹⁰ См. Замечание общего порядка № 31 (2004 год) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, пункт 12.

¹¹ См. сообщения № 1763/2008, *Пиллаи и др. против Канады*, Соображения, принятые 25 марта 2011 года, пункт 11.4, и № 1957/2010, *Линь против Австралии*, Соображения, принятые 21 марта 2013 года, пункт 9.3.

¹² Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 20 (1992) о запрещении пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 40 (A/47/40), приложение VI, раздел А, пункт 9.

¹³ См. сообщение № 2024/2011, *Израил против Казахстана*, пункт 9.4.

достаточные основания полагать, что для высланного лица возникнет реальная опасность причинения невозместимого вреда, например такого, о котором говорится в статье 7 Пакта, то государство-участник само может нарушить положения Пакта¹⁴ (пункт 14.2 Соображений Комитета по правам человека от 17 марта 2014 г. по делу *Николай Валетов против Казахстана*).

Комитет считает необходимым учитывать обязанность государства-участника в соответствии с пунктом 1 статьи 2... [Международного пакта о гражданских и политических правах] обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, признанные в Пакте права, в том числе при осуществлении процесса высылки неграждан¹⁵. Комитет... напоминает о том, что государства-участники обязаны не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории в тех случаях, когда неизбежным и предсказуемым последствием высылки будет являться реальная угроза причинения непоправимого вреда, предусмотренного в статье 7 Пакта, либо в стране, в которую осуществляется высылка, либо любой другой стране, в которую это лицо может быть выслано впоследствии¹⁶. Комитет также отметил, что опасность должна существовать лично для человека¹⁷ и что существует высокий порог для представления серьезных оснований для определения существования реальной опасности причинения непоправимого вреда¹⁸. Таким образом, должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение с правами человека в стране происхождения автора¹⁹ (пункт 9.2 Соображений Комитета по правам человека от 26 марта 2014 г. по делу *Х. против Дании*).

¹⁴ См. сообщение № 469/1991, *Нг против Канады*, Соображения, принятые 5 ноября 1993 года, пункт 6.2; и Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 40, том I (A/59/40 (vol. I)), приложение III, пункт 12.

¹⁵ См. принятые Комитетом Замечания общего порядка № 6 и 20; см. также сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады*, Соображения, принятые 18 марта 2010 года, пункт 8.2.

¹⁶ Замечание общего порядка № 31 о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта (2004 год), пункт 12; см., в частности, сообщение № 1544/2007, *Мехрес Бен Абде Хамида против Канады*, Соображения, принятые 18 марта 2010 года, пункт 8.7; сообщение № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 года, пункт 6.14.

¹⁷ Сообщение № 692/1996, *А.Р.Х. против Австралии*, Соображения, принятые 28 июля 1997 года, пункт 6.6.

¹⁸ Сообщение № 1883/2008, *Х. против Швеции*, Соображения, принятые 1 ноября 2011 года, пункт 5.18.

¹⁹ Там же.

*Практика Комитета против пыток*²⁰

Применение статьи 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания]²¹ ограничивается случаями, когда существуют серьезные основания полагать, что автору может угрожать применение пыток, определение которых содержится в статье 1 Конвенции (пункт 1 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

[У]потребляемое в статье 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] выражение «другое государство» означает государство, куда высылается, возвращается или выдается соответствующее лицо, а также любое государство, куда автор может быть впоследствии выслан, возвращен или выдан (пункт 2 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

В связи с применением статьи 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] к существу дела следует отметить, что бремя аргументированного изложения дела лежит на авторе, что предполагает подкрепление позиции автора достаточными фактическими материалами, позволяющими ему требовать ответа от государства-участника (пункт 5 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

Ввиду того, что государство-участник и Комитет обязаны оценивать наличие серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи, при оценке степени риска

²⁰ Комитет против пыток (далее – Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года (далее – Конвенция). Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

²¹ В силу статьи 3 указанного международного договора «1. Ни одно государство - участник не должно высылать, возвращать (*refouler*) или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

2. Для определения наличия таких оснований компетентные власти принимают во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая, в соответствующих случаях, существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.».

применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Вместе с тем при оценке этого риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности (пункт 6 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

*Практика Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин*²²

[П]ринцип недопустимости принудительного возвращения по сути означает, что государство не вправе возвращать лиц на территорию, где они могут подвергаться преследованиям, в том числе в связи с гендерными формами и основаниями для такого преследования. Он также напоминает о том, что принцип недопустимости принудительного возвращения является важнейшим компонентом убежища и международной защиты беженцев. Комитет далее напоминает о своих решениях, в соответствии с которыми *статья 2 d) Конвенции [о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин]* включает обязательство государств-участников оградить женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылającego государства-участника²³. Комитет далее напоминает, что насилие по признаку пола является формой дискриминации в отношении женщин и включает в себя действия, которые причиняют ущерб и страдания физического, психологического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы²⁴ (пункт 6.4 Решения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 17 февраля 2014 г. по делу *Н. против Нидерландов*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Государства должны сохранять бдительность в отношении всех видов практики, которые подрывают полный запрет на пытки в контексте

²² Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее - Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 18 декабря 1979 г. Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений, получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

²³ См., например, сообщение № 33/2011, *М.Н.Н. против Дании*, Решение от 15 июля 2013 года, пункты 8.5–8.10; и сообщение № 35/2011, *М.Е.Н. против Дании*, Решение от 26 июля 2013 года, пункты 8.4–8.9.

²⁴ См. пункт 6 Общей рекомендации № 19.

*контртеррористических мер, в том числе путем обеспечения того, чтобы иностранные граждане, арестованные по подозрению в терроризме, пользовались правом не подвергаться принудительному возвращению и не выдворялись или иным образом перемещались в страну или регион, если предсказуемым последствием этой меры является реальный риск подвергнуться пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания*²⁵ (пункт 38 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 22 декабря 2010 г. A/HRC/16/51).

Недопустимость принудительной выдачи, являясь важным принципом международного договорного права и международного обычного права, предусмотрена в международных и региональных правозащитных механизмах и в правовой практике таких международных и региональных органов по правам человека, как Комитет по правам человека и Европейский [С]уд по правам человека (пункт 61 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 г. A/HRC/16/52).

2.1. Оценка общей ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

Что касается *общей ситуации, сложившейся в определенной стране*, то Суд вправе придать особое значение информации, содержащейся в недавних отчетах международных организаций по защите прав человека, и информации, полученной из государственных источников (пункт 60 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).

Суд обязан отметить, что *существование национального законодательства и ратификация международных соглашений, гарантирующих уважение основополагающих прав, сами по себе, не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, когда...* надежные источники сообщили о практиках, используемых органами власти и явно противоречащих принципам Конвенции (пункт 132 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Суд также признает, что необходимо учесть присутствие автора в рассматриваемой стране и его возможности изложить информацию. В связи с

²⁵ См. statement by the United Nations High Commissioner for Human Rights on Human Rights Day 2006, DS-S-ТЭР (2006) 003; A/HRC/6/17/Add.3, пункт 17; и A/60/316, пункт 51.

этим Суд отмечает, что через дипломатические представительства и каналы по сбору данных государства (государство-ответчик по конкретному делу или любое другое государство-участник либо прочие государства) часто могут предоставить материал, крайне важный для оценки Судом рассматриваемого дела. Суд находит, что те же факторы оценки необходимо *a fortiori* применить в отношении органов ООН, особенно с учетом их прямого контакта с органами власти страны назначения, а также их возможности выполнять указания и проводить оценку на местах способом, вероятно, недоступным для государств и неправительственных организаций.... В то время как Суд признает, что *многие отчеты носят общий характер, следует обязательно считать существенными сообщения, в которых рассмотрена ситуация с правами человека в стране назначения и непосредственно приведены основания для предполагаемого реального риска жестокого обращения в деле, переданном в Суд* (пункт 86 постановления от 10 июля 2014 г. по делу *Рахимов против Российской Федерации*).

Практика Комитета против пыток

В соответствии со статьей 1 упомянутый в пункте 2 статьи 3 [Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] критерий, предполагающий наличие «постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека», *относится лишь к тем нарушениям, которые совершаются государственными должностными лицами или иными лицами, выступающими в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или с молчаливого согласия* (пункт 3 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

2.2. Оценка наличия личной угрозы в запрашивающем государстве

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[С]сылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции... *Если доступные Суду источники описывают общее положение, то конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами, касающимися личных обстоятельств, в обоснование опасений жестокого обращения* (пункт 39 решения от 23 сентября 2014 г. *Ибрагим Хасан Оглы Мусаев против Российской Федерации*).²⁶

²⁶ Жалоба заявителя была признана неприемлемой.

[В] делах, где заявитель утверждает о своей принадлежности к группе, которая систематически подвергается жестокому обращению, защита статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] действует, если заявитель докажет, при необходимости на основе информации, содержащейся в последних докладах независимых правозащитных организаций или государственных источников, что имеются серьезные основания верить в существование такой практики, а также свою принадлежность к указанной группе... При таких обстоятельствах *Европейский Суд не будет затем требовать, чтобы заявитель дополнительно продемонстрировал наличие особых характерных деталей, если это сделает иллюзорной защиту, которую предоставляет статья 3 Конвенции* (пункт 100 постановления от 12 мая 2010 г. по делу *Ходжаев против Российской Федерации*).

[Х]отя факт отсутствия заявления лица о предоставлении ему убежища сразу же после прибытия в другую страну может иметь значение для оценки достоверности его утверждений, не представляется возможным сравнить наличие угрозы жестокого обращения и оснований, служащих основой для его выдворения... Следовательно, *выводы внутригосударственных судов в отношении несвоевременного обращения заявителя за предоставлением статуса беженца не опровергают, по существу, его утверждения в соответствии со статьей 3 Конвенции* (пункт 127 постановления от 28 мая 2014 г. по делу *Акрам Каримов против Российской Федерации*).

Поведение лица, каким бы оно ни было нежелательным или опасным, не может приниматься во внимание, в результате чего защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], шире, чем защита, предусмотренная статьями 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев 1951 года (пункт 37 постановления от 11 декабря 2014 г. по делу *Фозил Назаров против Российской Федерации*).

Практика Комитета против пыток

Автор должен показать, что ему/ей будет угрожать применение пыток, что основания для такого предположения носят серьезный характер.... и что *такая опасность угрожает лично автору и является реальной*. Каждая из сторон может представлять по этому вопросу любую уместную информацию (пункт 7 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

Уместной считается информация, касающаяся, в частности, следующих вопросов:

- а) Относится ли соответствующее государство-участник к числу государств, откуда поступает информация о существовании постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (см. пункт 2 статьи 3)?
- б) Подвергался ли автор пыткам или жестокому обращению со стороны государственных должностных лиц или иных лиц, выступающих в официальном качестве, либо по их подстрекательству, с их ведома или молчаливого согласия? Если да, то идет ли речь о недавнем прошлом?
- с) Имеется ли информация из медицинских или иных независимых источников, подтверждающая заявление автора о том, что в прошлом его/ее подвергали пыткам или жестокому обращению? Имело ли применение пыток какие-либо последствия?
- д) Изменилась ли ситуация, упоминаемая в пункте а) выше? Претерпело ли изменения положение в области прав человека в стране?
- е) Занимался ли автор на территории или за пределами соответствующего государства политической или иной деятельностью, которая могла бы поставить его/ее в особенно уязвимое положение с точки зрения опасности подвергнуться пыткам в случае его/ее высылки, возвращения или выдачи в соответствующее государство?
- ф) Существуют ли какие-либо доказательства, подтверждающие достоверность утверждений автора?
- г) Имеются ли какие-либо фактические неувязки в заявлении автора? Если да, то насколько серьезными они являются? (пункт 8 Замечания общего порядка № 1 - Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения). Принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии (1996 г.)).

*[Н]аличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием для принятия решения о том, что после возвращения в эту страну тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток; должны быть приведены дополнительные основания, подтверждающие, что соответствующему лицу будет лично угрожать такая опасность. Напротив, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-либо отдельное лицо не может быть подвергнуто пыткам в конкретных обстоятельствах его положения (пункт 8.2 Решения Комитета против пыток от 14 мая 2014 г. по делу *Никмеддин Альп против Дании*).*

*[П]рименение в прошлом жестокого обращения является лишь одним из подлежащих учету элементов²⁷ (пункт 9.5 Решения Комитета против пыток от 28 ноября 2014 г. по делу *X. против Дании*).*

²⁷ См., например, сообщения № 61/1996, *X.Y. и Z. против Швеции*, Решение, принятое 6 мая 1998 года, пункт 11.2; и № 435/2010, *Г.Б.М. против Швеции*, Решение, принятое 14 ноября 2012 года, пункт 7.7.

2.3. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве к выдаваемому лицу может быть применена смертная казнь

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

Суд напоминает свои общие принципы, установленные в постановлении по делу *«Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства»*... (жалоба №61498/08, ECHR 2010)²⁸:

«115. Суд принимает за исходную точку характер права не подвергаться смертной казни. Судебное исполнение предполагает умышленное и заранее спланированное уничтожение человека органами государственной власти. Вне зависимости от способа исполнения, уничтожение жизни предполагает физические страдания. Кроме того, предвидение смерти в руках Государства должно неизбежно порождать глубокое психологическое страдание. Тот факт, что назначение и применение смертной казни отрицает фундаментальные права, был признан государствами-членами Совета Европы. В преамбуле к Протоколу № 13 [к Конвенции о защите прав человека и основных свобод] Договаривающиеся Стороны описывают себя как «убежденных, что право каждого человека на жизнь является фундаментальной ценностью в демократическом обществе, и что отмена смертной казни является основным условием защиты этого права и полного признания достоинства, присущего всем человеческим существам».

116. Шестьдесят лет назад, когда была составлена Конвенция, смертная казнь не считалась нарушающей международные стандарты. Таким образом, в право на жизнь вносилось исключение, то есть пункт 1 статьи 2 предусматривал, что «никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». Однако, как указано в объяснении к Протоколу № 13, впоследствии происходил процесс полной *фактической* и *юридической* отмены смертной казни в государствах-членах Совета Европы... Протокол № 6 к Конвенции, который отменяет смертную казнь, кроме как в отношении действий, «совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны», был открыт для подписания 28 апреля 1983 года и вступил в силу 1 марта 1985 года. После начала подписания Протокола № 6 Парламентская Ассамблея Совета Европы установила практику, в соответствии с которой требовалось, чтобы государства, намеревающиеся присоединиться к Совету Европы, обязались ввести немедленный мораторий на исполнение смертной казни, исключили

²⁸ Заявитель пожаловался, что в случае насильственного возвращения в Китай он столкнется с опасностью вынесения и приведения в исполнение смертного приговора. Европейский Суд постановил, что насильственное возвращение Заявителя в Китай приведет к нарушению статей 2 и 3 Конвенции.

смертную казнь из своего национального законодательства, а также подписали и ратифицировали Протокол № 6. Все государства-члены Совета Европы на данный момент подписали Протокол № 6, а также все, кроме России, ратифицировали его.

117. ... Протокол № 13, который упраздняет смертную казнь при любых обстоятельствах, был открыт для подписания 3 мая 2002 года и вступил в силу 1 июля 2003 года. На дату принятия данного постановления Протокол № 13 был ратифицирован 42 Государствами-участниками и подписан, но не ратифицирован, тремя странами (Армения, Латвия и Польша). Азербайджан и Россия – единственные страны, не подписавшие данный Протокол ...

119. В деле «Оджалан против Турции» (*Ocalan v. Turkey*) Суд рассматривал вопрос, может ли практика Государств-участников Конвенции пониматься как устанавливающая соглашение отменить исключение в пункте 1 статьи 2, разрешающее применение смертной казни при некоторых условиях [:]

«...В равной мере Суд отмечает, что правовая позиция, касающаяся смертной казни, прошла значительные изменения с момента вынесения решения по делу «Серинг против Соединенного Королевства». *Фактическая* отмена, отмеченная в данном деле в отношении двадцати двух Государств-участников Конвенции в 1989 году переросла в *юридическую* отмену в сорока трех из сорока четырех Государствах-участниках и мораторий в оставшемся государстве, которое еще не отменило наказание, а именно, в России. Такая почти полная отмена смертной казни в мирное время в Европе отражена в том факте, что все Государства-участники Конвенции подписали Протокол № 6 и сорок одно государство ратифицировало его, то есть, все, кроме Турции, Армении и России. Это было далее отражено в политике Совета Европы, которая требует, чтобы новые государства-члены Совету Европы обязались отменить смертную казнь в качестве условия принятия их в эту организацию. В результате этих процессов, территории, входящие в состав государств-членов Совета Европы, стали зоной, свободной от смертной казни....

Такое значительное развитие могло теперь рассматриваться как свидетельствующее о соглашении Государств-участников Конвенции отменить или, по крайней мере, изменить второе предложение пункта 1 статьи 2, в частности, если принять во внимание тот факт, что все Государства-участник[и] Конвенции на данный момент подписали Протокол № 6 и что он был ратифицирован сорок одним государством. Может возникнуть вопрос, было ли необходимо дожидаться ратификации Протокола № 6 тремя оставшимися государствами, чтобы прийти к заключению, что исключение о смертной казни в пункте 1 статьи 2 значительно изменилось. В отношении таких последовательных данных можно сказать, что смертная казнь в мирное время стала рассматриваться как неприемлемая... форма наказания, которая более не допускается в соответствии со статьей 2.

Таким образом, сделав вывод о том, что применение смертной казни, кроме как в военное время, стало неприемлемой формой наказания, в деле «Оджалан

против Турции» Большая Палата продолжила рассмотрение позиции относительно смертной казни во всех обстоятельствах:

«164. Суд отмечает, что, предоставляя для подписания Протокол № 13, касающийся отмены смертной казни во всех обстоятельствах, Договаривающиеся Стороны выбрали традиционный метод внесения изменений в текст Конвенции в целях реализации своей политики отмены. На дату настоящего постановления три государства-участника не подписали данный Протокол, и шестнадцать не ратифицировали его. Однако этот заключительный шаг к полной отмене смертной казни – то есть и в мирное, и в военное время – может рассматриваться как подтверждение тенденции отмены в практике Договаривающихся Сторон. Это не обязательно противоречит точке зрения, что в статью 2 были внесены поправки, поскольку она разрешала применение смертной казни в мирное время.

165. В настоящее время тот факт, что все еще остается большое количество государств, которые не подписали или не ратифицировали Протокол № 13, может помешать Суду установить, что установленной практикой Договаривающихся Сторон является рассмотрение приведения в исполнение смертной казни в качестве бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в нарушение статьи 3 Конвенции, так как от данного положения нельзя делать никаких отступлений, даже в военное время. Однако Большая Палата соглашается с Палатой в том, что у Суда нет необходимости делать какой-либо четкий вывод по данным вопросам, поскольку по нижеследующим причинам приведение в исполнение смертной казни после несправедливого судебного разбирательства будет противоречить Конвенции, даже если статью 2 толковать как все еще допускающую смертную казнь».

120. Очевидно, таким образом, что Большая Палата в постановлении по делу «*Оджалан против Турции*» не исключила того, что статья 2 уже была изменена с целью устранения исключительного разрешения применять смертную казнь. Более того, как было отмечено выше, данная позиция с тех пор изменилась. Все Государства-участники, за исключением двух стран, уже подписали Протокол № 13, и все, кроме трех стран, подписали и ратифицировали его. Данные цифры вместе с последовательной государственной практикой соблюдения моратория на смертную казнь отчетливо показывают, что статья 2 была изменена в целях запрета смертной казни при любых обстоятельствах. На основании этих данных Суд не считает, что формулировка второго предложения пункта 1 статьи 2 продолжает быть препятствием для толкования слов «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» в статье 3 как включающих в себя смертную казнь» ...

123. Суд далее повторяет, что выдворение Высокой Договаривающейся Стороной может привести к возникновению вопроса по статье 3 Конвенции и, следовательно, повлечь за собой ответственность этой Стороны в соответствии с Конвенцией, если были продемонстрированы серьезные основания полагать, что соответствующее лицо в случае выдворения

столкнется с реальной угрозой подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. В таком случае статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не высылать данное лицо в эту страну... Аналогично статья 2 Конвенции и статья 1 Протокола № 13 запрещает экстрадицию или депортацию лица в другое государство, если были представлены веские основания полагать, что он или она подвергнутся реальному риску применения смертной казни в этом государстве...» (пункт 62 постановления от 29 октября 2015 г. по делу *А.Л. (X.W.) против Российской Федерации*).²⁹

2.4. Оценка риска того, что в запрашивающем государстве в отношении выдаваемого лица может быть допущено нарушение права на свободу и личную неприкосновенность и/или права на справедливое судебное разбирательство

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[В]опрос о соблюдении положений статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в связи с решением о выдаче может возникнуть исключительно тогда, когда беженец³⁰ пострадал или находится в опасности *грубого нарушения права на справедливое судебное разбирательство в запрашивающем государстве* (пункт 156 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

Практика Европейского Суда по правам человека в отношении третьих государств

Договаривающееся государство нарушит статью 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в случае передачи, или создания возможностей для передачи заявителя в государство, где он подвергнется реальной опасности *вопиющего нарушения этой статьи* Опять же, такая опасность присутствует, если к заявителю применяется «специальная перевозка», которая влечет за собой содержание под стражей «... за пределами нормальной правовой системы», и которая «по причине преднамеренного игнорирования надлежащей правовой процедуры, подрывает принцип верховенства права и ценности, защищаемые Конвенцией» (пункт 455 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).³¹

²⁹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159904>.

³⁰ В рассматриваемой связи речь может идти и о лице, подлежащем *выдаче*.

³¹ Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-156791>

Аналогичные принципы применимы в случаях, когда есть серьезные основания полагать, что, в случае передачи из Договаривающегося государства, заявитель подвергнется реальной опасности *очевидного отказа в правосудии* (пункт 456 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

В прецедентной практике Европейского Суда, термин *«вопиющий отказ в правосудии»* является синонимом судебного процесса, который явно противоречит положениям статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] или принципам, закрепленным в ней... В *Othman (Abi Qatada)*, ссылаясь на примеры из своего прецедентного права, Суд указал на определенные формы несправедливости, которые могут составить вопиющий отказ в правосудии. К ним относятся заочное вынесение приговора, без последующей возможности нового рассмотрения по существу обвинений, судебное рассмотрение, имеющее поверхностный характер и проводящееся с полным пренебрежением к праву на защиту, содержание под стражей без доступа к независимому и беспристрастному суду для пересмотра законности содержания, и преднамеренный и систематический отказ в доступе к адвокату, особенно для лица, содержащегося в зарубежной стране... В других делах, Суд также подчеркивал важность того факта, что, если гражданское лицо предстает перед судом, состоящим, хотя бы частично, из членов вооруженных сил, выполняющих приказы властей, гарантии беспристрастности и независимости вызывают серьезные сомнения (пункт 562 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

«[В]опиющий отказ в правосудии» является самой строгой проверкой на справедливость разбирательства. *Вопиющий отказ в правосудии выходит за рамки простых нарушений или отсутствия гарантий в судебном разбирательстве, которые могут привести к нарушению статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], если происходят в самом Договаривающемся Государстве. Он связан с нарушением принципов справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьей 6, настолько серьезным, что он равносителен аннулированию и уничтожению самой сути права, гарантированного этой статьей* (пункт 563 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

Суд занимает четкую, неизменную и однозначную позицию в отношении допуска доказательств, полученных под пытками. Ни одна правовая система, основанная на принципе верховенства права, не может одобрить допуск доказательств, как бы правдоподобны они ни были, которые были получены с помощью таких варварских методов, как пытки. Судебный процесс является краеугольным камнем законности. Доказательства, полученные под пытками, наносят непоправимый вред этому процессу; они подрывают принцип верховенства права и наносят вред репутации любого суда, допускающего

такие доказательства. Доказательства, полученные под пытками, должны исключаться в целях защиты целостности судебного процесса и, в конечном счете, верховенства права как такового. Запрет на применение пыток является фундаментальным... Показания, полученные в нарушение статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], абсолютно ненадежны. Действительно, опыт слишком часто показывает, что жертва пыток готова сказать все, что угодно – неважно, правда это или нет – чтобы прекратить пытку... *Допуск доказательств, полученных под пытками, явно противоречит не только положениям статьи 6, но и основным международным стандартам справедливого судебного разбирательства.* Это делает весь судебный процесс не только аморальным и незаконным, но и, в результате, полностью ненадежным. Поэтому, допуск таких доказательств в уголовном процессе составляет вопиющий отказ в правосудии (пункт 564 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Аль Нашири против Польши*).

Практика Комитета по правам человека

Возвращение лица в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему угрожает реальная опасность *серьезного нарушения личной свободы или неприкосновенности, например длительного произвольного содержания под стражей*, может представлять собой бесчеловечное обращение, запрещенное статьей 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]³² (пункт 57 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). CCPR/C/GC/35).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Применительно к определенным моментам статья 13... [Международного пакта о гражданских и политических правах]³³ вбирает в себя понятия надлежащей правовой процедуры, отраженные в статье 14... [Международного пакта о гражданских и политических правах]³⁴. В контексте производства по делам, в которых идет речь об экстрадиции и депортации,

³² Замечание общего порядка № 31, пункт 12.

³³ В силу указанного договорного положения иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, может быть выслан только во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом, и, если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного, имеет право на представление доводов против своей высылки, на пересмотр своего дела компетентной властью или лицом или лицами, специально назначенными компетентной властью, и на то, чтобы быть представленным для этой цели перед этой властью лицом или лицами.

³⁴ См.: там же, п. 62; Комитет по правам человека, сообщение № 1051/2002 «*Ахани против Канады*», 2004 г. (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 40 (A/59/40), т. II, приложение IX, разд. ВВ), п. 10.9.

запрещение выдворения может действовать не только в случае, когда имеется опасность пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения³⁵, и не только во многих ситуациях, когда речь идет о вынесении смертного приговора, но и в случаях, когда возникает опасность, что лицо станет объектом явно несправедливого судебного разбирательства³⁶. В остальных положениях статьи 14 (п. 2–7) устанавливаются определенные права и гарантии, относящиеся к рассмотрению предъявляемых уголовных обвинений, включая право на защиту, презумпцию невиновности и право на пересмотр осуждения или приговора вышестоящей судебной инстанцией (пункт 8 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 6 августа 2008 г. A/63/223).

[П]ринцип невозвращения по-прежнему сохраняет свою актуальность и в отношении произвольного задержания. Если существуют серьезные основания предполагать наличие реального риска того, что лицо, подлежащее удалению с территории, будет лишено в принимающем государстве свободы (как это часто происходит, когда основанием для высылки служит подозрение в участии в террористической деятельности), депортирующее государство³⁷ должно определить, будет ли такое задержание произвольным по смыслу трех категорий произвольного задержания, установленных в методах работы Рабочей группы:

- лишение свободы без юридических оснований;
- лишение свободы с целью пресечения осуществления основных свобод, таких, как свобода религии, свобода выражения мнения и свобода ассоциации;
- лишение свободы с серьезным нарушением международных норм, касающихся справедливого судебного разбирательства (пункт 47 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Во многих случаях эта проверка будет совпадать с запретом на возвращение, уже обязательным для государств по международному договору и обычному праву: *длительное содержание под стражей без связи с внешним миром, как и бессрочное содержание*, может расцениваться как бесчеловечное обращение;

³⁵ См.: Комитет по правам человека, сообщение № 832/1998 «Валравенс против Австралии», 2001 г. (там же, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40 (A/56/40), т. II, приложение XI, разд. G); он же, сообщение № 1051/2002.

³⁶ См.: Комитет по правам человека, сообщение № 692/1996 «А. Р. Дж. против Австралии», 1997 г. (Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 40 (A/52/40), т. II, приложение VI, разд. Т), п. 6.15; Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Human Rights, Terrorism and Counterterrorism, Fact Sheet No. 32, p. 34; International Commission of Jurists, Legal Commentary to the ICJ Berlin Declaration (Geneva, 2008), p. 97.

³⁷ Равным образом *запрашиваемое государство* в отношениях по вопросам выдачи.

лишение свободы в результате осуществления свободы выражения мнений или свободы убеждений большей частью будет подпадать под действие статьи 33 Конвенции о статусе беженцев 1951 года. Кроме того, по имеющемуся опыту пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, вероятнее всего, могут иметь место при содержании под стражей, *когда игнорируются процедурные гарантии, защищающие законность содержания под стражей* (пункт 48 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

[П]равительства должны включать риск произвольного задержания в принимающем государстве как таковой в число элементов, которые должны приниматься во внимание при рассмотрении просьбы о выдаче, депортации, высылке или же иной передаче какого-либо лица властям другого государства, особенно в контексте усилий по противодействию терроризму. Намерение передать то или иное лицо государству в условиях, когда существует действительный риск того, что это лицо будет содержаться там под стражей без юридических оснований или без предъявления в течение длительного времени обвинений или же будет привлечено к судебной ответственности судом, который явно выполняет приказы исполнительной власти, не может считаться совместимым с обязательством, содержащимся в статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая требует от государств-участников уважать и обеспечивать предусмотренные Пактом права в отношении всех находящихся на их территории и под их контролем лиц. Если в качестве критерия будут использоваться три категории произвольного задержания, установленные Рабочей группой³⁸, то распространение действия запрета на возвращение на риск произвольного задержания не создаст для правительств избыточного бремени. По сути, Типовой договор Организации Объединенных Наций о выдаче³⁹ налагает на правительство гораздо более строгое обязательство. Согласно его статье 3 f) отказ в выдаче является обязательным «если лицо, в отношении которого поступает просьба о выдаче.., не будет обладать правом на минимальные гарантии в процессе уголовного разбирательства, предусмотренные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах» (пункт 49 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

В отношении лиц, подозреваемых по объективным и разумным основаниям в причастности к подготовке или совершению актов терроризма или подстрекательству или побуждению к таким актам, должно проводиться

³⁸ Лишение свободы без юридических оснований; лишение свободы с целью пресечения осуществления основных свобод, таких, как свобода религии, свобода выражения мнения и свобода ассоциации; лишение свободы с серьезным нарушением международных норм, касающихся справедливого судебного разбирательства.

³⁹ Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901785649>

надлежащее расследование, и в соответствующих случаях они должны быть подвергнуты судебному преследованию, осуждению и наказанию в соответствии с обычными нормами уголовно-процессуального права либо выданы другому государству, чтобы там предстать перед судом. В любом случае это означает, что последующий суд над лицом, обвиняемым в причастности к акту терроризма, будет отвечать международным стандартам справедливого и публичного судебного разбирательства независимым и беспристрастным гражданским судом. Открытое судебное заседание даст возможность жертвам и членам их семей воочию наблюдать, как совершается правосудие. *Бессрочное или тайное содержание под стражей подозреваемых в терроризме без предъявления обвинения или суда, напротив, не только противоречит международному праву, но и исключает возможность участия жертв в процессе привлечения виновных к ответственности* (пункт 34 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. Размещен 4 июня 2012 г. A/HRC/20/14).

2.5. Вопрос о достаточности дипломатических гарантий, предоставляемых запрашивающим государством

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[Д]ипломатические гарантии как таковые недостаточны для обеспечения адекватной защиты против угрозы жестокого обращения, если достоверные источники сообщают о практике, применяемой или допускаемой властями, которая явно противоречит принципам Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 119 постановления от 19 июня 2008 г. по делу *Рябкин против Российской Федерации*).

[С]уществование национальных законов и международных договоров, гарантирующих уважение основных прав, само по себе не является достаточным для обеспечения достаточной защиты от жестокого обращения... [если] надежные источники сообщают о действиях, которые явно противоречат принципам Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] и совершаются или допускаются органами власти... Кроме того, Суд придерживается позиции, что дипломатические заверения также не способны сами по себе предотвратить риск подвергнуться жестокому обращению и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к заверениям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются (пункт 53 постановления от 26 февраля 2015 г. по делу *Халиков против Российской Федерации*).

*Существует обязательство изучить вопрос о том, предоставляют ли [дипломатические] заверения, при их практическом применении, достаточные гарантии того, что заявитель будет защищен от риска жестокого обращения. Вес, который следует придавать заверениям принимающего государства, зависит в каждом случае от обстоятельств, главенствующих в данное время (пункт 67 постановления от 24 июля 2014 г. по делу *Мамадалиев против Российской Федерации*).*

Даже принимая в качестве аргумента то, что рассматриваемые гарантии не были изложены в общих терминах, Суд отмечает, что [запрашивающее государство] не является Договаривающимся государством Конвенции, и власти [этого государства] *не продемонстрировали существование эффективной системы судебной защиты от пыток, которая могла бы функционировать в качестве эквивалента системе, требуемой от Договаривающихся государств.* Более того, Суду не было продемонстрировано, что *обязательство [запрашивающего государства] по гарантии доступа к заявителю российских дипломатов приведет к эффективной защите* от запрещенного жестокого обращения на практике, так как не было показано, что упомянутые дипломаты будут иметь квалификацию, необходимую для эффективного наблюдения за соблюдением киргизскими властями своих обязательств. Также не было предоставлено гарантии того, что *упомянутым дипломатам будет предоставлена возможность разговора с заявителем без свидетелей.* Дополнительно, их потенциальное участие не поддерживалось никаким практическим механизмом, определяющим, к примеру, процедуру, в соответствии с которой заявитель мог подавать жалобы дипломатам, или с целью их неограниченного доступа в пенитенциарные учреждения (пункт 66 постановления от 17 апреля 2014 г. по делу *Гайратбек Салиев против Российской Федерации*).

Практика Комитета по правам человека

Наличие [дипломатических] заверений, их содержание, а также наличие и применение механизмов обеспечения их выполнения – все это элементы, имеющие значение для общей оценки наличия или отсутствия реальной опасности запрещенного неправильного обращения. Комитет... вновь указывает, что *в предоставленных заверениях должен как минимум предусматриваться механизм мониторинга и их соблюдение должно гарантироваться практическими договоренностями,* которые предусматривали бы их эффективное выполнение высылающим и принимающим государствами⁴⁰ (пункт 14.5 Соображений Комитета по

⁴⁰ См. сообщения № 1461/2006, 1462/2006, 1476/2006 и 1477/2006, *Максудов и др. против Кыргызстана*, пункт 12.5, и сообщение № 1416/2005, *Альзери против Швеции*, Соображения, принятые 25 октября 2006 года, пункт 11.5.

правам человека от 17 марта 2014 г. по делу *Николай Валетов против Казахстана*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

В последнее время широко обсуждается практика получения от принимающего государства «дипломатических заверений» с целью преодоления такого препятствия, как принцип невозвращения. *Что касается задержания и справедливого суда, то подобные гарантии приемлемы лишь в том случае, если они отвечают строгим условиям* (пункт 52 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Во-первых, *они не должны использоваться в обход применимых норм, имеющих преимущественную силу*. Когда между двумя государствами действует договор о выдаче, передача для целей уголовного преследования должна осуществляться в соответствии с этим договором. Когда согласно положениям статьи 3 f) Типового договора Организации Объединенных Наций о выдаче⁴¹ договор предусматривает, что в выдаче должно быть отказано, если в принимающей стране существует риск судебного разбирательства в отсутствие оговоренных в статье 14 [Международного пакта о гражданских и политических правах] гарантий, то при наличии такого риска в выдаче должно быть отказано и никакие дипломатические заверения (которые будут свидетельствовать о признании существования риска) не смогут обеспечить законное преодоление этого препятствия. Аналогичным образом, если выдача возможна в отсутствие договора на основании внутреннего законодательства передающей страны, то дипломатические заверения не могут использоваться в обход запрета на выдачу, если существует риск произвольного задержания или несправедливого судебного разбирательства (пункт 53 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

Второе предварительное условие заключается в том, что *передающее государство должно иметь все основания считать заверения надежными и чтобы власти в дающем заверения принимающем государстве в действительности могли обеспечить их выполнение* (пункт 54 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

В-третьих, *дипломатические заверения не могут ни в коем случае быть сочтены приемлемыми, если передающее правительство имеет серьезные основания полагать, что в случае передачи существует реальный риск*

⁴¹ Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition.shtml

обращения, противоречащего статье 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]. В этом отношении Рабочая группа выражает согласие со Специальным докладчиком по вопросу о пытках, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания в отношении отклонения дипломатических заверений как «ненадежных и неэффективных» в той мере, в которой это касается пыток⁴² (пункт 55 Доклада рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 9 января 2007 г. A/HRC/4/40).

[Д]ипломатические заверения не освобождают государства от их обязательств, связанных с недопустимостью принудительной выдачи, и необязательно являются наиболее оптимальным способом для недопущения пыток и принудительной выдачи. Действительно, дипломатические заверения показали свою ненадежность и не могут считаться эффективными гарантиями против пыток и жестокого обращения, особенно в государствах, где существуют серьезные основания полагать, что какому-либо лицу может угрожать там применение пыток или жестокого обращения (пункт 62 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 г. A/HRC/16/52).

Специальный докладчик считает практику дипломатических заверений «попыткой обойти абсолютный запрет на пытки и возвращение» (пункт 63 Доклада Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания. Размещен 3 февраля 2011 г. A/HRC/16/52).

2.6. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении выдаваемого лица⁴³

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[П]одпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]... не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого применяется мера с целью выдачи, разумно считалось необходимым, например, для предотвращения повторного совершения им преступления или сокрытия от правосудия. В связи с этим подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает иную степень правовой защиты

⁴² См. доклад Специального докладчика по вопросам о пытках и других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (A/60/316, пункт 51).

⁴³ Здесь и далее под *выдаваемым лицом* понимается лицо, в отношении которого запрашиваемым государством уже принято решение о выдаче, либо лицо, которое ожидает принятия указанного решения.

по сравнению с предусмотренной подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции: подпункт «f» требует только того, чтобы «предпринимались меры по высылке или выдаче». Следовательно, для целей подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции является несущественным вопрос о том, может ли лежащее в основе решение о выдаче быть оправдано в соответствии с внутригосударственным или конвенционным правом (пункт 135 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

*[С]ам факт вынесения первоначального решения о заключении под стражу с целью экстрадиции административным органом не противоречит Конвенции, если это разрешено внутригосударственным законодательством, вопрос в том, сколько времени могло пройти с момента, когда лицо, заключенное под стражу на основании распоряжения административного органа (*in casu*⁴⁴ – прокуратура), подало заявление об освобождении, и моментом, когда такое заявление было рассмотрено судом (пункт 66 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).*

*[С]одержание под стражей может являться незаконным, если его указанная цель отличается от реальной... Суд напоминает, что «содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта (f) пункта 1 [с]татья 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], должно осуществляться добросовестно» и «должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылаются Власти» (пункт 65 постановления от 15 января 2015 г. по делу *Эшонкулов против Российской Федерации*).*

*[В] вопросе «правомерности» содержания под стражей, в том числе соблюдения «законного порядка», Конвенция [о защите прав человека и основных свобод] отсылает, в основном, к национальному законодательству, но также, в случае необходимости, к иным правовым нормам, применимым к заинтересованным лицам, в том числе, к тем, которые вытекают из международного права. Во всех случаях она закрепляет обязательство соблюдать его материально-правовые нормы и процедурные нормы, но она, кроме того, требует соответствия любого лишения свободы целям статьи 5 Конвенции: защите лица от произвола (пункт 84 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).*

Суд подчеркивает, что поскольку речь идет о лишении свободы, особенно важно соблюдать общий принцип правовой безопасности. Следовательно, главное, чтобы условия лишения свободы в соответствии с внутригосударственным правом были ясно определены и чтобы сам закон был

⁴⁴ В рассматриваемом случае.

*прогнозируемым в плане его применения таким образом, чтобы он соответствовал критерию законности, закрепленному в Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], который требует, чтобы любой закон был достаточно точным, чтобы избежать любого риска произвола и чтобы позволить любому лицу – с помощью, при необходимости, информированных консультантов – предвидеть, до степени, разумной в обстоятельствах дела, последствия, могущие стать результатом определенного действия (пункт 85 постановления от 1 марта 2016 г. по делу *Холмуродов против Российской Федерации*).*

2.6.1. Право выдаваемого лица на незамедлительное сообщение о причинах его ареста и предъявленных обвинениях

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[Е]сли лицо арестовано по подозрению в совершении преступления, пункт 2 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не требует сообщения информации в определенной форме или полного списка обвинений, выдвинутых против арестованного лица... *Если лицо арестовано для обеспечения возможной экстрадиции, предоставляемая информация может быть даже менее полной* (пункт 80 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Худякова против Российской Федерации*).

2.6.2. Продолжительность применения в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

Что касается продолжительности содержания под стражей с целью обеспечения возможной экстрадиции, подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] не требует, чтобы в национальном законодательстве был установлен предельный срок такого содержания под стражей. Однако, *если процедура экстрадиции не осуществляется с необходимой тщательностью, содержание под стражей может перестать быть обоснованным в соответствии с данным положением* (пункт 59 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Худякова против Российской Федерации*).

[Д]аже если цель содержания под стражей является законной, *его продолжительность не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели* (пункт 166 постановления от 18 апреля 2013 г. по делу *Азимов против Российской Федерации*).

Европейский Суд... подчеркивает, что уже приходил к выводу, что данный довод⁴⁵ не может использоваться для оправдания не ограниченного по времени содержания лиц под стражей без урегулирования их правового статуса (пункт 200 постановления от 21 октября 2010 г. по делу *Гафоров против Российской Федерации*).

Практика Комитета по правам человека

Комитет напоминает о своей правовой практике, согласно которой, для того чтобы содержание под стражей не было квалифицировано как произвольное, *оно не должно продолжаться сверх того срока, в отношении которого государство-участник может представить должные обоснования*⁴⁶ (пункт 7.2 Соображений Комитета по правам человека от 21 октября 2014 г. по делу *Хью Реймонд Гриффитс против Австралии*).

2.6.3. Пересмотр решения о применении меры пресечения в виде заключения выдаваемого лица под стражу либо решения о продлении срока содержания такого лица под стражей

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[Ф]ормы судебной проверки, отвечающие требованиям пункта 4 статьи 5 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], могут различаться в разных странах и будут зависеть от рассматриваемого вида лишения свободы. *Не исключено, что соблюдение требований пункта 4 статьи 5 может быть обеспечено посредством системы автоматических периодических судебных проверок по вопросу законности постановления о заключении под стражу... Большие промежутки времени при проведении автоматической периодической проверки могут привести к нарушению требований пункта 4 статьи 5... На основании пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать его лишение свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после принятия первоначального постановления о заключении под стражу... Требования пункта 4 статьи 5 касательно того, что может считаться «разумным» промежутком в контексте периодической судебной проверки, варьируются в*

⁴⁵ Европейский Суд подчеркнул, что он был озадачен утверждением властей Российской Федерации, согласно которому власти страны были обязаны содержать заявителя под стражей, поскольку он [Европейский Суд] указал на основании правила 39 Регламента на необходимость приостановить выдачу.

⁴⁶ См., например, *К. против Австралии*, пункт 8.2.

разных странах, в зависимости от рассматриваемого вида лишения свободы (пункт 129 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

Суд отмечает, что в его задачи не входит пытаться регулировать максимальный период времени между пересмотрами, которые должны автоматически применяться к определенной категории задержанных. *Вопрос о том, соответствуют ли промежутки между проверками установленному требованию, должен решаться в контексте обстоятельств конкретного дела...* Суд, в частности, должен проверить, не были ли новые относящиеся к делу факторы, которые возникли в промежуток между периодическими пересмотрами, оценены, без «неправомерной» задержки, судом, имеющим право решать вопрос о «правомерности» содержания под стражей в свете вновь появившихся факторов (пункт 130 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

[В] определенном количестве дел против России Суд уже принял тот факт, что разбирательства по вопросу о продлении срока содержания под стражей в ожидании выдачи в суде первой инстанции проходили в форме периодического пересмотра судебного характера (пункт 134 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

[Ц]ель пункта 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] заключается в том, чтобы гарантировать задержанным и арестованным право на судебную проверку законности меры, которой они подверглись... *Во время содержания под стражей лицу должно быть предоставлено средство правовой защиты, позволяющее добиться безотлагательного судебного рассмотрения вопроса о правомерности содержания под стражей.* Такая проверка должна при необходимости обеспечить освобождение лица из-под стражи. Наличие средства правовой защиты, требуемого пунктом 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, поскольку в отсутствие этого качества средство правовой защиты не будет отвечать требованиям доступности и эффективности, предъявляемым в целях указанного положения (пункт 56 постановления от 17 декабря 2009 г. по делу *Джураев против Российской Федерации*).

Доступность средства правовой защиты подразумевает, *inter alia*,⁴⁷ что обстоятельства, созданные властями, должны как таковые предоставлять заявителю реальную возможность использовать это средство (пункт 86 постановления от 11 октября 2007 г. по делу *Насруллоев против Российской Федерации*).

⁴⁷ Между прочим.

[П]ункт 4 [с]татьи 5 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] *обязывает договаривающееся государство обеспечивать задержанному лицу процедуру пересмотра, имеющую судебный характер и отвечающую требованиям состязательного процесса, а также предоставлять ему возможность эффективно представить свой вопрос в судебном заседании.* Это положение Конвенции не требует устанавливать второй уровень судебных органов для рассмотрения ходатайств об освобождении из-под стражи. Тем не менее государство, которое устанавливает такую систему, должно в принципе обеспечить задержанным те же гарантии в суде кассационной инстанции⁴⁸, что и в суде первой инстанции (пункт 129 постановления от 24 мая 2007 г. по делу *Владимир Соловьев против Российской Федерации*).

[П]рецидентная практика Европейского Суда в части статьи 6 Конвенции может быть применена к рассмотрению процессуальных гарантий в части пункта 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] только с необходимыми изменениями, с надлежащим вниманием к специфике разбирательства в отношении содержания под стражей (пункт 148 постановления от 16 декабря 2010 г. по делу *Трепашкин против Российской Федерации* (№ 2)).

Европейский Суд неоднократно устанавливал, что в контексте состязательной процедуры устного разбирательства природа судебного разбирательства и возможности заявителя определяют, требует ли пункт 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] оказания ему юридической помощи в дополнение к личному участию заявителя (пункт 100 постановления от 3 марта 2011 г. по делу *Купцов и Купцова против Российской Федерации*).

[П]ункт 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] наделяет задержанное или заключенное под стражу лицо правом на судебное рассмотрение процессуальных и материально-правовых вопросов, которые являются существенными для определения «законности» лишения лица свободы по смыслу Конвенции. Это означает, что компетентный суд обязан проверить не только соблюдение процессуальных требований национального законодательства, но также обоснованность подозрения, в связи с которым произведено задержание, и правомерность цели, преследуемой задержанием и последующим содержанием под стражей... В целях соблюдения требований пункта 4 статьи 5 Конвенции, «*рассмотрение правомерности заключения заявителя под стражу*» должно соответствовать материальным и процессуальным нормам национального законодательства и, кроме того, осуществляться в соответствии с целью статьи 5 Конвенции, которая состоит в защите лица от произвола (пункт 121 постановления от 22 декабря 2009 г. по делу *Макаренко против Российской Федерации*).

⁴⁸ И апелляционной инстанции.

[П]ериод содержания под стражей является в принципе законным, если лицо содержится под стражей на основании постановления суда. *Последующий вывод о том, что суд неправильно применил национальное законодательство при вынесении постановления, не обязательно ретроспективно затрагивает правомерность соответствующего периода содержания под стражей.* По этой причине конвенционные органы периодически отказывались поддержать жалобы лиц, осужденных за совершение преступлений, жаловавшихся на то, что апелляционные суды признали их приговоры или наказания основанными на фактических или правовых ошибках (пункт 128 постановления от 8 ноября 2005 года по делу *Худоеров против Российской Федерации*).

Пункт 4 статьи 5 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] является *lex specialis*, то есть специальной нормой по отношению к более общему требованию Статьи 13 Конвенции (пункт 63 постановления от 8 февраля 2005 года по делу *Бордовский против Российской Федерации*).

Практика Комитета по правам человека

Согласно пункту 4 статьи 9 [Международного пакта о гражданских и политических правах]⁴⁹, каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно. Данное положение закрепляет принцип *хабеас корпус*⁵⁰. Рассмотрение фактических оснований содержания под стражей в соответствующих обстоятельствах может ограничиваться рассмотрением обоснованности предыдущего определения⁵¹ (пункт 39 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). CCPR/C/GC/35).

Это право распространяется на любое содержание под стражей на основе официального решения или с официальной санкции, включая содержание под стражей в связи с уголовным делом, содержание в органах военной юстиции, задержание по соображениям безопасности, заключение под стражу на основании контртеррористического законодательства,

⁴⁹ В силу пункта 4 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах «[к]аждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно».

⁵⁰ 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, пункт 7.4.

⁵¹ 1051/2002, *Ахани против Канады*, пункт 10.2; 754/1997, *А. против Новой Зеландии*, пункт 7.3.

принудительную госпитализацию, принудительное содержание мигрантов, заключение под стражу для экстрадиции и аресты без всяких оснований⁵². Оно также распространяется на принудительное содержание за бродяжничество или наркоманию, принудительное воспитание в образовательных целях детей, преступивших закон⁵³, и другие формы административного ареста⁵⁴. Содержание под стражей по смыслу пункта 4 [статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах] также включает в себя домашний арест и одиночное заключение⁵⁵. Если заключенный отбывает минимальный срок тюремного заключения по приговору суда после признания его виновным, либо в качестве приговора в виде лишения свободы на установленный срок, либо в качестве фиксированной части приговора, потенциально предусматривающего лишение свободы на более длительный период, пункт 4 не требует последующего пересмотра решения о содержании под стражей⁵⁶ (пункт 40 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

*Право на возбуждение разбирательства в принципе действует с момента задержания, и никакие значительные отсрочки предоставления задержанному возможности обратиться с первой жалобой на заключение под стражу, не допускаются*⁵⁷. Как правило, задержанный вправе лично явиться в суд, особенно если такое присутствие способствует проверке законности ареста или если возникают вопросы относительно жестокого обращения с задержанным⁵⁸. Суд должен иметь право распорядиться о доставке задержанного, независимо от наличия такой просьбы с его

⁵² 248/1987, *Кэмпбелл против Ямайки*, пункт 6.4; 962/2001, *Мулези против Демократической Республики Конго*, пункт 5.2; 1051/2002, *Ахани против Канады*, пункт 10.2; 1061/2002, *Фиалковска против Польши*, пункт 8.4; 291/1988, *Торрес против Финляндии*, пункт 7.4; 414/1990, *Мика Миха против Экваториальной Гвинеи*, пункт 6.5.

⁵³ 265/1987, *Вуоланне против Финляндии*, пункт 9.5; см. заключительные замечания: Руанда (ССРР/С/RWA/CO/3, 2009), пункт 16 (рекомендованная отмена содержания под стражей за бродяжничество).

⁵⁴ См. заключительные замечания: Республика Молдова (ССРР/CO/75/MDA, 2002), пункт 11.

⁵⁵ 1172/2003, *Мадани против Алжира*, пункт 8.5; 265/1987, *Вуоланне против Финляндии*, пункт 9.5.

⁵⁶ 954/2000, *Миног против Австралии*, пункт 6.4; 1342/2005, *Гаврилин против Беларуси*, пункт 7.4. Однако пункт 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует обвиняемым по уголовным делам право на одно обжалование первоначального обвинительного приговора в вышестоящий суд (Замечание общего порядка № 32, пункт 45).

⁵⁷ 291/1988, *Торрес против Финляндии*, пункт 7.2 (семь дней).

⁵⁸ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г., пункт 2 принципа 32. Замечание общего порядка № 29, пункт 16.

стороны (пункт 42 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

*Незаконное содержание под стражей включает в себя содержание под стражей, которое было законным в момент задержания, но затем приобрело противоправный характер по причине отбытия лицом срока лишения свободы или изменения обстоятельств, оправдывавших такое содержание*⁵⁹. После того, как суд постановил, что обстоятельства оправдывают содержание под стражей, может оговариваться определенный срок в зависимости от соответствующих обстоятельств, прежде чем человек получит право вновь требовать разбирательства его дела на том же основании⁶⁰ (пункт 43 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

Пункт 4 [статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах] предусматривает право каждого на разбирательство «в суде», под которым обычно понимается суд в рамках судебной системы (пункт 45 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

*Пункт 4 [статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах] предусматривает возможность возбуждения разбирательства самими задержанными и лицами, действующими от их имени; в отличие от пункта 3 он не требует автоматического возбуждения повторного рассмотрения властями, осуществляющими содержание под стражей*⁶¹. Законы, которые исключают возможность определенных категорий задержанных требовать рассмотрения дела, предусмотренного в пункте 4, нарушают Пакт⁶². Практика, которая фактически делает такое рассмотрение недоступным для отдельных лиц, в том числе практика содержания без связи с внешним миром, также представляет собой нарушение⁶³. Для облегчения эффективного

⁵⁹ 1090/2002, *Рамека против Новой Зеландии*, пункты 7.3–7.4.

⁶⁰ Там же (ежегодный пересмотр решения о превентивном содержании под стражей после осуждения); 754/1997, *А. против Новой Зеландии*, пункт 7.3 (регулярный пересмотр решения о принудительной госпитализации); 291/1988, *Торрес против Финляндии*, пункт 7.4 (пересмотр через каждые две недели решения о содержании под стражей для целей выдачи).

⁶¹ 373/1989, *Стивенс против Ямайки*, пункт 9.7.

⁶² R.1/4, *Торрес Рамирес против Уругвая*, пункт 18; 1449/2006, *Умаров против Узбекистана*, пункт 8.6.

⁶³ R.1/5, *Эрнандес Валентини де Баззано и др. против Уругвая*, пункт 10; 1751/2008, *Абусседра против Ливийской Арабской Джамахирии*, пункт 7.6; 1061/2002, *Фиалковска*

рассмотрения, задержанным должен быть предоставлен своевременный и регулярный доступ к адвокату. Задержанные должны информироваться на понятном им языке о своем праве на возбуждение разбирательства в целях принятия решения о законности их задержания⁶⁴ (пункт 46 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

Лишённые свободы лица имеют право не только на судебное разбирательство, но и на безотлагательное уведомление о вынесенном решении. Отказ компетентного суда выносить решение по ходатайству об освобождении задержанного лица является нарушением пункта 4⁶⁵. Вынесение решения по делу должно осуществляться в возможно кратчайшие сроки⁶⁶. Отсрочка, происходящая по вине заявителя, не считается задержкой в судопроизводстве⁶⁷ (пункт 47 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Рабочая группа пришла к выводу, что режимы содержания под стражей до суда, включающие в себя предварительный арест и другие формы задержания для проведения расследования, так же, как и система освобождения под залог, сужают возможности лиц оспорить свое задержание, влияют на презумпцию невиновности и оказывают чрезмерную нагрузку на систему правосудия. Следует обеспечить гарантии равной защиты перед законом и процессуальные права на доступ к правосудию, в том числе *исключительный характер содержания под стражей до суда*, а также гарантии оперативности пересмотра решений в порядке судебного надзора и слушаний для определения уголовной ответственности, в частности для лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений, связанных с наркотиками. Как и в случае любых форм содержания под стражей, такие лица должны иметь доступ к судебным средствам, позволяющим оспорить свое задержание⁶⁸. Рабочая группа отметила, в частности, необходимость проводимого периодического пересмотра решений в порядке судебного надзора, с тем

против Польши, пункт 8.4 (непринятие мер со стороны государства лишило пациента возможности оспорить принудительное лечение).

⁶⁴ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г., принципы 13–14.

⁶⁵ 1128/2002, *Маркиш ди Мораши против Анголы*, пункт 6.5.

⁶⁶ 291/1988, *Торрес против Финляндии*, пункт 7.3.

⁶⁷ 1051/2002, *Ахани против Канады*, пункт 10.3.

⁶⁸ Рабочая группа по произвольным задержаниям, соображение № 4.

чтобы избежать длительных задержаний (пункт 62 Доклада Рабочей группы по произвольным задержаниям. Размещен 10 июля 2015 г. A/HRC/30/36).

2.6.4. Право на оперативное рассмотрение жалобы на решение об избрании в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу либо на решение о продлении срока содержания такого лица под стражей

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

[С]татья 5 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод] защищает от произвольного лишения свободы... Принцип «защиты от произвола» реализуется посредством более конкретных гарантий, как материальных, так и процессуальных. Процессуальные средства защиты содержатся главным образом в пунктах 3 и 4 статьи 5 и основаны на философии эффективного судебного контроля в вопросах содержания под стражей. «Эффективность» такого контроля, в свою очередь, включает элемент времени: *судебный пересмотр содержания под стражей, осуществленный с задержкой, не может быть эффективным*. С целью определения того, был ли судебный пересмотр осуществлен в безотлагательном порядке, Суд осуществляет общую оценку всех соответствующих обстоятельств каждого дела, включая сложность судебных разбирательств, действия внутригосударственных органов власти, действия заявителя, и оспариваемые им вопросы. Таким образом, общий подход к требованиям «оперативности» или «безотлагательности» в соответствии с пунктом 3 статьи 5 и пунктом 4 статьи 5, соответственно, в широком смысле аналогичен методу, использованному в делах о требовании «разумного срока» в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции... Тем не менее, хотя указанный метод является аналогичным, полученные результаты часто отличаются. Выводы Суда в большей степени определяются характером рассматриваемых судебных разбирательств (пункт 62 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).⁶⁹

⁶⁹ «Европейский Суд отмечает, что он признавал промедления в 23 дня на одном уровне юрисдикции, а также в 43 дня и 32 дня на двух уровнях юрисдикции несовместимыми с пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см., соответственно, [п]остановление Европейского Суда по делу "*Ребок против Словении*" ...; [п]остановление Европейского Суда от 21 декабря 2000 г. по делу "*Яблонский против Польши*" ...; и Постановление Европейского Суда от 30 ноября 2000 г. по делу "*G.V. против Швейцарии*" ... С другой стороны, в [п]остановлении Европейского Суда от 7 апреля 2005 г. по делу "*Рохлина против Российской Федерации*" ..., в котором общая продолжительность разбирательства составила 41 день на двух уровнях юрисдикции, не было установлено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции. В названном деле Европейский Суд отметил, в частности, что заявительница просила обеспечить ее личное присутствие в суде второй инстанции, в связи с чем этот суд был вынужден отложить разбирательство на одну неделю. В другом российском деле (см. [п]остановление

Вопрос о безотлагательности рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей не может быть разрешен абстрактно, а должен оцениваться в свете обстоятельств конкретного дела. Европейский Суд должен учесть общий ход судебного разбирательства и ту степень, в которой задержки в рассмотрении вопроса могут быть поставлены в вину заявителю или его представителям. Однако в целом вопросом является свобода лица, государство должно организовать судебное разбирательство таким образом, чтобы оно было проведено с минимальными задержками (пункт 49 постановления от 20 января 2005 года по делу *Майзит против Российской Федерации*).

[О]собенно необходимо быстрое вынесение решения по вопросу о правомерности заключения под стражу в случаях, когда судебное разбирательство приостанавливается, потому что подсудимый должен в полном объеме извлечь пользу из принципа презумпции невиновности (пункт 193 постановления от 8 ноября 2005 года по делу *Худоеров против Российской Федерации*).

Хотя количество дней, необходимых для осуществления соответствующего производства, безусловно, важный элемент, само по себе оно не является решающим в вопросе о том, было ли постановление вынесено с требуемой безотлагательностью. Прежде всего, принимаются во внимание усердие, продемонстрированное властями, задержки по вине заявителя и любые другие факторы, вызывающие задержку, за которые власти не несут ответственности. Вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное вынесение решения, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела

Европейского Суда от 1 июня 2006 г. по делу "*Мамедова против Российской Федерации*" ... Европейский Суд признал задержки в 36, 29 и 26 дней несовместимыми с пунктом 4 статьи 5 Конвенции, подчеркнув, что ответственность за всю продолжительность разбирательства в суде второй инстанции несли власти. Наконец, в делах, касающихся процедуры экстрадиции, Европейский Суд устанавливал нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда судебная проверка продолжалась 31 и 46 дней соответственно на двух уровнях юрисдикции (см. [п]остановление Европейского Суда от 21 октября 1986 г. по делу "*Санчес-Рейссе против Швейцарии*")... и 17 дней на одном уровне юрисдикции (см. [п]остановление Европейского Суда от 9 января 2003 г. по делу "*Кадем против Мальты*" (пункт 94 постановления от 8 января 2009 г. по делу *Худякова против Российской Федерации*)).

«Суд рассмотрел безотлагательность пересмотра постановлений о заключении под стражу судами первой инстанции в рамках судебных разбирательств, а именно, для целей подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, в большом количестве дел в отношении Российской Федерации ... Кассационные судебные разбирательства, которые длились в течение десяти, одиннадцати и шестнадцати дней, были признаны соответствующими требованию «безотлагательности» в соответствии с пунктом 4 статьи 5» (пункт 65 постановления от 26 июня 2014 г. по делу *Щербина против Российской Федерации*).

(пункт 42 постановления от 5 января 2016 г. по делу *Манеров против Российской Федерации*).

[В] соответствии с Конвенцией [о защите прав человека и основных свобод] от Договаривающихся Государств требуется организация своих правовых систем таким образом, чтобы позволить судам соответствовать различным требованиям Конвенции. Судебные органы обязаны решать необходимые административные вопросы для обеспечения безотлагательного решения срочных вопросов, и это особенно необходимо в случаях, когда рассматривается личная свобода лица (пункт 125 постановления от 17 июля 2014 г. по делу *Кадиржанов и Мамашев против Российской Федерации*).

Если затронута свобода человека, государства-участники должны гарантировать доступность своих судов, даже в период выходных и праздничных дней, для обеспечения скорейшего рассмотрения вопросов, не терпящих отлагательства, в полном соответствии с порядком, установленным законом (пункт 37 постановления от 22 апреля 2010 г. по делу *БИК против Российской Федерации*).

Данное право⁷⁰ должно быть не только теоретическим или иллюзорным, но осуществимым на практике и эффективным (пункт 48 постановления от 20 января 2005 года по делу *Майзит против Российской Федерации*).

Правовые позиции специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека

Пакт не требует, чтобы решение суда о проверке законности содержания под стражей подлежало обжалованию. Если государство-участник обеспечивает возможность обжалования или рассмотрения дела в дополнительных инстанциях, процессуальные сроки могут отражать иной характер разбирательства и в любом случае не должны быть чрезмерными⁷¹ (пункт 48 Замечания общего порядка № 35. Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность. Принято Комитетом по правам человека на его 112-й сессии (7–31 октября 2014 года). ССРР/С/ГС/35).

⁷⁰ Право на оперативное рассмотрение жалобы на *решение* об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении сроков содержания под стражей.

⁷¹ Сообщение № 1752/2008, *Дж. С. против Новой Зеландии*, пункты 6.3–6.4 (сроки для принятия решений: восемь дней в первой инстанции, три недели во второй инстанции и два месяца в третьей инстанции являются удовлетворительными в данном контексте).

2.7. Обеспечение принципа презумпции невиновности в отношении выдаваемого лица

Практика Европейского Суда по правам человека по делам в отношении Российской Федерации

Решение о выдаче заявителей само по себе не нарушает презумпции невиновности (пункт 167 постановления от 24 апреля 2008 г. по делу *Исмоилов и другие против Российской Федерации*).

Европейский Суд уже приходил к заключению, что пункт 2 статьи 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] применим, если разбирательство по поводу выдачи было прямым следствием и сопутствующим обстоятельством уголовного расследования, ведущегося в отношении лица в принимающем государстве..., и не усматривает оснований для применения в настоящем деле иного подхода. (пункт 148 постановления от 20 мая 2010 г. по делу *Хайдаров против Российской Федерации*).

[П]роизводство по выдаче подпадает под действие пункта 2 статьи 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]..., положения которого, в относящемся к делу аспекте, направлены на предотвращение воспрепятствования справедливому разбирательству по уголовному делу предвзятыми утверждениями, высказанными в связи с данным производством. Презумпция невиновности, гарантированная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу, предусмотренного пунктом 1 указанной статьи... Она распространяется, среди прочего, на заявления других должностных лиц относительно неоконченных расследований по уголовным делам, которые подталкивают общественность к мнению о виновности подозреваемого и опережают оценку фактов компетентным органом судебной власти (пункт 169 постановления от 20 декабря 2011 г. по делу *Эргашев против Российской Федерации*).

2.8. Практика международных договорных органов

2.8.1. выдача в Азербайджан⁷²

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Решение⁷³ Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55091/13 «**Ибрагим Хасан Оглы Мусаев против России**» от 23 сентября 2014 г.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд в первую очередь отмечает, что указанное дело об экстрадиции касается двух Высоких Договаривающихся Сторон, являющихся участниками Европейской Конвенции по правам человека, которые обязались обеспечивать основные права, гарантированные Конвенцией ... В данных обстоятельствах Суд напоминает, что в отсутствие доказательства обратного считается доказанным, что государство, выступающее стороной в деле, выполнило свои конвенционные обязательства (пункт 37 решения).

Представитель заявителя в своих заявлениях Европейскому Суду ссылалась, главным образом, на доклады относительно общего положения дел в области прав человека в Азербайджане. Она, в частности, процитировала выводы и рекомендации, подготовленные Томасом Хаммарбергом 5 марта 2010 года и Нилом Муйжниексом 22-24 мая 2013 года по итогам их визитов в Азербайджан в качестве Комиссаров Совета Европы по правам человека. В обоих докладах говорилось о нескольких случаях в отношении журналистов, заключавшихся в неоправданном и избирательном преследовании со стороны органов власти, которые могут рассматриваться как нарушения прав человека. Представитель заявителя также упомянула вопросы независимости судебной системы и примеры пыток, изложенные в докладах правозащитных организаций (пункт 38 решения).

Несмотря на то что Суд обеспокоен указанными докладами и, в частности, следующими один за другим выводами Комиссаров Совета Европы по правам человека, он напоминает, что ссылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции... Если доступные Суду источники описывают общее положение, то конкретные утверждения заявителя по делу должны подтверждаться иными доказательствами,

⁷² Здесь и далее перечень запрашивающих государств представлен в алфавитном порядке.

⁷³ Решение о неприемлемости жалобы.

касающимися личных обстоятельств, в обоснование опасений жестокого обращения (пункт 39 решения).

На основании имеющихся в его распоряжении материалов Европейский Суд не может заключить, что данные критерии доказанности были соблюдены заявителем. Ни Европейскому Суду, ни российским властям заявитель не представил никаких доказательств своей службы в Министерстве национальной безопасности Нахичеванской Автономной Республики или преследования со стороны органов власти (пункт 40 решения).

По мнению Европейского Суда, национальные органы власти действовали в рамках своего обязательства, предусмотренного статьей 3 Конвенции, как в рамках производства по предоставлению убежища, так и в рамках производства по экстрадиции, и провели проверки заявлений о возможном риске жесткого обращения. Прежде чем отклонить утверждения заявителя как необоснованные, власти миграционных служб, прокуратура и суды предоставляли заявителю и его представителю возможность представить доказательства, и даже в отсутствие таких доказательств они изучили общую ситуацию в Азербайджане, рассмотрели гарантии Властей Азербайджана и поведение самого заявителя... Следовательно, Суд удовлетворен тем, что оценка российских органов власти была адекватной и в достаточной мере подтверждалась собственными материалами, а также материалами, полученным из других надежных и объективных источников (пункт 41 решения).

2.8.2. выдача в Республику Беларусь

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 69235/11 «**К. против России**» (вынесено 23 мая 2013 г., вступило в силу 23 августа 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что в случае выдачи Белоруссии ему угрожает жестокое обращение в нарушение статьи 3 Конвенции, и что он лишен эффективных средств правовой защиты в отношении этой жалобы.

Европейский Суд установил, что «...органы страны и власти Российской Федерации отклонили утверждения о предполагаемой угрозе жестокого обращения, сославшись на гарантии белорусских властей, которые заверяли, что заявитель не будет преследоваться за преступления, не указанные в

запросе о выдаче, и он не подвергнется пытке, жестокому обращению или политическому преследованию» (п. 64 постановления).

Суд отметил, что «...гарантии, данные белорусскими властями, имели скорее общий характер... Кроме того, власти Российской Федерации не указали, существуют ли конкретные механизмы - дипломатические или мониторинговые - за счет которых соблюдение этих обязательств может быть объективно проверено... Неясная ссылка на тот факт, что они никогда не сталкивались с проблемами в сотрудничестве с белорусскими властями по сходным вопросам, имевшем место ранее, недостаточна для Европейского Суда в устранении сомнений по поводу данных гарантий» (п. 65 постановления).

Европейский Суд, приняв во внимание решения российских судов, вынесенных в ходе разбирательства о выдаче, а также предоставленных ему материалов отметил, что «...утверждение заявителя о его политическом преследовании в Белоруссии недостаточно обосновано... заявитель разыскивается белорусскими властями в связи с обвинениями в похищении людей при отягчающих вину обстоятельствах, разбое и вымогательстве, которые, хотя и являются тяжкими, составляют общеуголовные преступления. Решения белорусских властей, описывающие обстоятельства преступлений и излагающие подозрения против заявителя, являются подробными и мотивированными. Кроме того, нет оснований для сомнений в выводе российских судов о том, что предусмотренный законом срок давности для преследования данных преступлений не истек» (п. 68 постановления).

Суд подчеркнул, что «...в своих объяснениях национальным органам и Европейскому Суду заявитель ссылался на копию «удостоверения свободного гражданина», предположительно свидетельствующего о его членстве в Социал-демократической партии Белоруссии и, следовательно, подкрепляющего его утверждение о том, что ему угрожает жестокое обращение. Однако Европейский Суд не убежден в подлинности или доказательной силе этого удостоверения, поскольку на нем отсутствует печать или подпись официального органа этой партии... Также не подтверждены объяснения заявителя о том, что он уже являлся жертвой жестокого обращения в имевших место ранее столкновениях с белорусской милицией. В этом вопросе он также не предоставил описаний предполагаемых происшествий, за исключением техники пыток, предположительно примененной к нему сотрудниками милиции» (п. 69 постановления).

Таким образом, Европейский Суд пришел к выводу, что он не может заключить, что «...заявитель указал на какие-либо индивидуальные обстоятельства, способные обосновать его опасения по поводу пытки или жестокого обращения, или предоставил существенные основания полагать, что в случае выдачи он подвергнется реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в запрашивающем государстве» (п. 73 постановления).

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *В.Д. против Российской Федерации.* Сообщение № 2198/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 30 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Беларусь.

Вопрос существа: неисчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточное обоснование жалоб.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет...отмечает утверждение автора о том, что экстрадиция в Беларусь явится нарушением его прав, предусмотренных, среди прочего, статьей 7... [Международного пакта о гражданских и политических правах]. В частности, автор заявляет, что в случае возвращения ему грозит опасность подвергнуться пыткам и жестокому обращению (пункт 5.4 Соображений).

Комитет отмечает, что автор не привел убедительных доказательств какого-либо нарушения, допущенного в процессе принятия решений, а также достаточных пояснений по вопросу о том, почему решения властей государства-участника носят явно произвольный или заведомо ошибочный характер либо являются равносильными отказу в правосудии... Комитет отмечает, что представленные его вниманию материалы не позволяют ему сделать вывод о том, что рассмотрение властями государства-участника, в том числе его судебными органами, утверждения автора относительно его опасений и рисков, связанных с его возвращением в Беларусь, страдает какими-либо из подобных изъянов (пункт 5.5 Соображений).

Комитет считает, что в рассказе автора имеются расхождения, подрывающие доверие к его жалобе на то, что в случае возвращения в Беларусь ему будет грозить опасность применения жестокого обращения со стороны властей. Автор не представил каких-либо существенных доказательств в обоснование этого утверждения. В частности, он не изложил каких-либо деталей по вопросу об отсутствии надлежащей медицинской помощи или о предположительно бесчеловечных и унижающих достоинство условиях содержания в тюрьме, которым он якобы будет подвергнут. В ходе процедур, связанных с его экстрадицией и ходатайством об убежище, автор утверждал, что он преследуется властями Беларуси по причине своих политических и религиозных убеждений, а также социального статуса. При этом он не представил никаких подробностей своего преследования по указанным признакам... Комитет отмечает, что в процессе рассмотрения его ходатайства об убежище автор отказался привести какие-либо подробности своей политической деятельности. Более того, несмотря на его предполагаемое преследование в Беларуси, автор подал ходатайство о предоставлении убежища лишь в сентябре 2011 года, т.е. через десять лет после прибытия в государство-участник в сентябре 2001 года. С другой стороны, в период 2001-2011 годов автор мог свободно посещать своих родственников, врачей и

других лиц, проживающих в Беларуси, не испытывая никаких проблем в отношениях с белорусскими властями (пункт 5.6 Соображений).

Выводы Комитета: автору не удалось в достаточной степени обосновать свои утверждения для целей приемлемости, к, соответственно, объявляет данное сообщение неприемлемым по смыслу статьи 2 Факультативного протокола (пункт 5.8 Соображений).

2.8.3. выдача в Казахстан

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 56662/09 «**Ошлаков против России**» (вынесено 3 апреля 2014 г., вступило в силу 3 июля 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что его экстрадиция в Казахстан подвергнет его риску жестокого обращения (пункт 70 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...несмотря на указание в международных докладах на серьезные проблемы в отношении прав человека в Казахстане, нет указаний на то, что данная ситуация является достаточно безнадежной, чтобы призвать к полному запрету экстрадиции в данную страну» (п. 85 постановления).

Суд установил, что «...заявитель обвиняется в бандитизме и убийстве, то есть в совершении общеуголовных преступлений, которые в настоящем деле не могут быть описаны в качестве политически мотивированных. Утверждения заявителя о том, что любой заключенный в Казахстане подвергается риску жестокого обращения, являются слишком общими и не могут трактоваться в качестве обнаруживающих какой-либо определенный риск для него, возникающий в результате его частной ситуации. Его претензии о том, что он является целью для неизвестных сотрудников полиции Казахстана, которые, по его словам, лишили его имущества, не подтверждены доказательствами» (п. 87 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...неопределенное упоминание заявителем его плохого состояния здоровья само по себе не может рассматриваться в качестве основания для того, чтобы он остался в России, так как ничего в утверждениях заявителя не указывает на то, что лечебные учреждения в Казахстане хуже таких учреждений в России, и что заявитель не

получит соответствующего лечения рака в запрашивающей стране» (п. 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...заявитель не обосновал свои утверждения о том, что его экстрадиция в Казахстан нарушила бы статью 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (п. 88 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что содержание его под стражей в ожидании экстрадиции нарушало требование законности и подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции (п. 93 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[ч]тобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с тем основанием для заключения под стражу, на которое ссылались Власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срока, обоснованно необходимого для достижения преследуемой цели» (п. 112 постановления).

Суд отметил, что «...[в] решении [прокуратуры о помещении заявителя под стражу]...в качестве законного основания была указана [с]татья 61 Минской конвенции. Ни российские органы власти в ходе внутригосударственных судебных разбирательств, ни Власти в Суде не упомянули никакой другой внутригосударственной правовой нормы, наделяющей прокурора полномочиями заключать заявителя под стражу до момента получения запроса об экстрадиции...[С]татья 61 Минской конвенции не устанавливает каких-либо правил в отношении процедуры заключения лица под стражу...и может служить законным основанием для заключения под стражу только совместно с соответствующими положениями внутригосударственного законодательства, определяющими основания и процедуру вынесения постановления о заключении под стражу, а также применимые сроки» (п. 108 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, «...[у]читывая, что не было упомянуто положений российского законодательства, регулирующих содержание заявителя под стражей, до тех пор, пока прокуратура вновь не распорядилась о заключении заявителя под стражу 9 июня 2009 г....., Суд усматривает, что с 3 мая по 9 июня 2009 г. заявитель находился в правовом вакууме, который не был предусмотрен каким-либо положением внутригосударственного законодательства, четко определяющим основания для содержания заявителя под стражей и процедуру, а также сроки, применимые к такому содержанию под стражей в ожидании получения запроса об экстрадиции» (п. 109 постановления).

Суд также установил, что «...содержание заявителя под стражей с 9 июня 2009 г. по 30 апреля 2010 г., когда было вынесено первое судебное решение, включающее содержание заявителя под стражей в ожидании экстрадиции, было основано на [части] 2 [с]татья 466 УПК, которую Суд уже

определил в качестве «неточной и непредсказуемой в ее применении» (п.110 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...заявитель содержался под стражей без определенного основания в российском внутригосударственном законодательстве или четких правил, регулирующих данную ситуацию. Данный вывод дополнительно подтверждается тем фактом, что оба решения районной прокуратуры о заключении заявителя под стражу не устанавливают какого-либо срока, ограничивающего содержание заявителя под стражей, или не содержат упоминания о каком-либо законоположении, определяющем такой срок. Данный факт несовместим с принципами правовой определенности и защиты от произвола, проходящими красной нитью через Конвенцию и правовые нормы» (п. 111 постановления).

Учитывая, что городской суд принял решение не приводить достаточные фактические или законные причины, способные обосновать содержание заявителя под стражей «с целью... экстрадиции» на шесть месяцев и четыре дня, Суд установил, что «содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода не было тесно связано с причиной содержания под стражей, на которую опирались Власти, и следовательно, не было ограничено надлежащими мерами защиты от произвола» (п.115 постановления).

Суд заключил, что «...государственная система не смогла защитить заявителя от произвольного задержания, и его содержание под стражей... не может считаться «законным» в соответствии с целями статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п. 117 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 39786/09 «*Ефимова против России*» (вынесено 19 февраля 2013 г., вступило в силу 8 июля 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявительница жаловалась на то, что в случае выдачи в Казахстан она подвергнется угрозе жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] и что она была лишена эффективных средств правовой защиты в отношении данной жалобы.

Европейский Суд отметил, что «... заявительница выдвинула доводы относительно угрозы жестокого обращения в разбирательствах о предоставлении убежища и выдаче. За разбирательством о предоставлении убежища, в котором Управление ФМС по Москве и суды в основном обсуждали и отклоняли доводы заявительницы о политическом преследовании, последовали четыре этапа разбирательства о выдаче, в рамках которого Верховный Суд Российской Федерации несколько раз отменял решения городского суда, полагая, что последний уклонился от тщательного рассмотрения доводов заявительницы в отношении угрозы жестокого обращения» (п. 198 постановления),

Суд подчеркнул, что «... после этих решений Верховного Суда Российской Федерации городской суд удовлетворил ходатайства заявительницы и ее адвокатов и приобщил к делу большое количество материалов, включавших доклады различных международных органов по ситуации с правами человека в Казахстане, статьи из средств массовой информации, видеозаписи и ряд постановлений Европейского Суда... На последнем этапе разбирательства, после рассмотрения этих материалов, а также информации и документов, собранных во время экстрадиционной проверки, проведенной Генеральной прокуратурой России, суды страны отклонили доводы заявительницы по поводу угрозы жестокого обращения в связи с предполагаемыми политическими мотивами ее уголовного преследования и предполагаемыми угрозами, выдвинутыми против нее казахскими должностными лицами в Казахстане и во время содержания под стражей в России как необоснованные, а те, которые касались высказываний должностных лиц государства, как неубедительные. Они также подчеркнули, что состояние здоровья заявительницы не препятствовало ее выдаче, и, отклоняя ее требования, они также ссылались на гарантии, данные казахскими властями, которые представлялись им широкими и данными органами, имевшими для этого все полномочия» (п. 199 постановления).

Европейский Суд установил, что «... объяснения заявительницы по поводу угроз, предположительно высказанных казахскими должностными лицами во время нахождения в больнице в Казахстане, не только недостаточно обоснованы, но содержат существенные противоречия... помимо неясного упоминания о том, что ей предположительно угрожало репрессиями казахское должностное лицо во время содержания под стражей в России, она не предоставила дополнительных сведений в этом отношении - таких как изолятор, в котором она содержалась, дата или обстоятельства, при которых имели место беседа или беседы или конкретные подробности беседы» (пп. 206, 207 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что он не может заключить, что «...заявительница выдвинула индивидуальные обстоятельства, которые обосновывают ее опасения по поводу пытки или жестокого обращения, или что имеются существенные основания полагать, что в случае выдачи она подвергнется реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в запрашивающем государстве» (п. 213 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 18414/10 «*Шарипов против России*» (вынесено 11 октября 2011 г., вступило в силу 8 марта 2012 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский [С]уд напоминает, что, «разрешая вопрос о том, было ли доказано, что заявитель подвергнется реальной угрозе

обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в случае выдачи, Европейский суд рассматривает его в свете всех представленных ему материалов. В подобных делах Европейский [С]уд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя принимающему государству, учитывая общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства. С этой целью, что касается общей ситуации в конкретной стране, Европейский [С]уд придавал значение информации из докладов независимых международных правозащитных организаций таких как, «Международная амнистия», или из государственных источников. В то же время, как устанавливал Европейский [С]уд, одна лишь возможность жестокого обращения вследствие нестабильной ситуации в принимающем государстве не свидетельствует о нарушении статьи 3 Конвенции, и если доступные Европейскому суду источники описывают общую ситуацию, специфические утверждения заявителя по конкретному делу должны подтверждаться иными доказательствами» (пункт 33 постановления).

[П]ри рассмотрении такой угрозы Европейский [С]уд оценивает ситуацию в ее развитии, принимая во внимание данные об улучшении или ухудшении ситуации с правами человека в целом или в отношении конкретной группы или территории, которые могут относиться к положению заявителя (пункт 34 постановления).

Европейский [С]уд вначале отмечает, что «в недавнем деле *«Джаксыбергенов против Украины»* он пересмотрел свои предыдущие выводы по другим делам, касавшимся экстрадиции в Республику Казахстан, и установил, что, хотя отчеты международных организаций продолжали выражать серьезную озабоченность относительно ситуации с правами человека в Республике Казахстан, не было никаких оснований полагать, что ситуация там настолько серьезна, что ведет к необходимости полного запрета на экстрадицию в эту страну» (пункт 35 постановления).

Европейский [С]уд далее отмечает, что заявитель не утверждал, что «принадлежал к политической оппозиции или любой другой группе, находящейся в уязвимом положении. Его доводы о том, что любой подозреваемый по уголовному делу подвергается угрозе жестокого обращения в Республике Казахстан, являются слишком общими и не подтверждены никакими доказательствами. Кроме того, заявитель не привел никаких доказательств, что ему не будет обеспечен доступ к адекватной медицинской помощи в случае экстрадиции, так же как и того, что состояние его здоровья настолько тяжелое и серьезное, что может стать препятствием для его экстрадиции» (пункт 36 постановления).

2.8.4. выдача в Колумбию

Установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 24268/08 «*Клейн в против России*» (вынесено 1 апреля 2010 г, вступило в силу 4 октября 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: «[и]нформация из различных надежных источников, включая источники, на которые ссылался заявитель..., несомненно свидетельствует о том, что общая ситуация с правами человека в Колумбии далека от совершенства. Например, презюмируется ответственность представителей государства за ряд внесудебных убийств гражданских лиц, насильственных исчезновений и произвольных арестов» (пункт 51 постановления).

Главный довод, выдвинутый заявителем по статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], касается угрозы жестокого обращения в Колумбии, усугубленной характером преступления, за которое он был осужден. Европейский Суд отмечает в данном отношении, что «Комитет против пыток выразил озабоченность тем, что меры, принятые или принимаемые Колумбией против терроризма и незаконных вооруженных формирований, могли стимулировать практику пыток ... Европейский Суд далее отмечает, что доказательства, которыми он располагает, демонстрируют, что в Колумбии сохраняются проблемы, связанные с жестоким обращением с заключенными» (пункт 53 постановления).

«[В]озвращаясь к личной ситуации заявителя, Европейский Суд отмечает, что заявитель опасался подвергнуться целенаправленному жестокому обращению в Колумбии, поскольку вице-президент Сантос, как сообщалось, заявил, что он должен «сгнить в тюрьме». Он полагает, что, к сожалению, невозможно в полной мере оценить характер высказывания и подтекст, который оно могло иметь на оригинальном языке, а именно на испанском, поскольку заявитель не указал источник информации относительно рассматриваемого высказывания. Однако представляется, что высказывание, выражающее желание высокопоставленного чиновника, чтобы осужденный заключенный «сгнил в тюрьме», может рассматриваться как признак того, что данному лицу серьезно угрожает жестокое обращение в заключении» (пункт 54 постановления).

Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации получили гарантии Министерства иностранных дел Колумбии, согласно которым «заявитель не будет подвергнут жестокому обращению ... Тем не менее Европейский Суд отмечает, что рассматриваемые гарантии были весьма неопределенными и неточными; соответственно, он вынужден поставить под вопрос их ценность. Европейский Суд также напоминает, что дипломатические гарантии сами по себе недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту против угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции» (пункт 55 постановления).

Европейский Суд отмечает в этом отношении, что «заявитель сообщил российским судам о неблагоприятной ситуации с правами человека в Колумбии, ссылаясь на наличие продолжительного внутреннего вооруженного конфликта между государственными силами и военизированными формированиями и цитируя резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН и материалы заседания Комитета по правам человека ... Кроме того, заявитель обратил внимание властей на тот факт, что колумбийский вице-президент угрожал сгноить его в тюрьме. [Национальный суд свел] ... оценку предполагаемой индивидуальной угрозы жестокого обращения, вытекающей из высказывания вице-президента Сантоса, к одному лишь замечанию, согласно которому колумбийские суды были независимы от исполнительной власти, в связи с чем рассматриваемое высказывание не могло влиять на них... Таким образом, Европейский Суд не может заключить, что российские власти надлежащим образом рассмотрели опасения заявителя в отношении статьи 3 Конвенции в рамках национального разбирательства о выдаче» (пункт 56 постановления).

2.8.5. выдача в Кыргызстан

Установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 14348/15 «**У.Н. против России**» (вынесено 26 июля 2016 г., вступило в силу 28 ноября 2016 г.), которым установлено, что принудительное перемещение заявителя в Кыргызскую Республику (в порядке экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением ст. 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод].

Установлено также нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя возможности добиться судебного пересмотра

постановления районного суда о применении к нему в течение определенного судом срока меры пресечения в виде заключения под стражу в целях экстрадиции, несмотря на имевшие место изменения в обстоятельствах, которые могли повлиять на законность соответствующей меры.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что он «...неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан» (пункт 38 постановления).

Однако Суд подчеркнул, что «...[к]ак и в предыдущих подобных делах, заявитель безуспешно пытался обратить внимание... на вышеупомянутые обстоятельства в ходе производства по экстрадиции и делам беженцев...[О]снование национальных судов по делу заявителя было более подробным...Однако, их доводы, обосновывающие отклонение требований заявителя, уже были рассмотрены Европейским Судом в его предыдущих постановлениях, и он посчитал их недостаточными...Что касается последнего довода, представленного Европейскому Суду, и на основании того факта, что экстрадиции заявителя добивались за обычные уголовные преступления, в совершении некоторых из которых он признался...Европейский Суд может только напомнить, что поведение заявителя – каким бы нежелательным или опасным оно бы не было – не может отменить запрет на жестокое обращение согласно статье 3 Конвенции... [3]заявитель является этническим узбеком, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана за преступления, совершенные в ходе жестоких столкновений в июне 2010 года...Таким образом, он является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению» (пункт 39 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции» (пункт 41 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, на отсутствие возможности судебного пересмотра законности его содержания под стражей.

Европейский Суд установил, что он «...уже выявлял нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, когда у заявителя не было возможности добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей в течение фиксированного периода времени, несмотря на изменения в обстоятельствах в течение этого периода времени, которые могли повлиять на законность его содержания под стражей... В настоящем деле, содержание заявителя под стражей было разрешено на фиксированный период – с 16 января 2015 г. по 23 июля 2015 г. Изменившимися обстоятельствами, которые могли повлиять на законность содержания под стражей, были промежуточная мера Европейского Суда 24 марта 2015 г. и вступление в силу решения [о выдаче] 25 марта 2015 г. Соответственно, чуть меньше четырех месяцев, в течение которых заявитель не мог добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей» (пункт 45 постановления).

В отсутствие каких-либо новых доводов или фактов, Европейский Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №17724/14 «Таджибаев против России» (вынесено 1 декабря 2015 г., вступило в силу 2 мая 2016 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он мог быть подвергнут жестокому обращению из-за своей национальности принадлежности⁷⁴. Он также жаловался на то, что российские власти отказались серьезно и тщательно рассматривать его доводы относительно риска жестокого обращения в запрашивающей стране.

Европейский Суд установил, что «...в 2012 году ситуация на юге [Кыргызстана] была отмечена применением пыток и других жестоких видов обращения в отношении этнических узбеков со стороны правоохранительных органов, и после событий в июне 2010 года случаи применения пыток и других жестоких видов обращения участились, причем теперь они отягощались безнаказанностью правоохранительных органов...[П]роблему необходимо было рассматривать на фоне развития этнического национализма в политике Кыргызстана, в особенности на юге, роста межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, длительной дискриминации узбеков на государственном уровне и подавляющего меньшинства узбеков, среди прочего, в правоохранительных и судебных органах» (п. 42 постановления).

Суд подчеркнул, что «...если заявитель заявляет о своей принадлежности к группе лиц, в отношении которых систематически применяется жестокое обращение, то в случае представления заявителем

⁷⁴ Заявитель является этническим узбеком.

серьезных оснований, позволяющих убедиться в наличии такой практики и его принадлежности к такой группе (на основании, в случае необходимости, сведений, изложенных в последних докладах независимых международных правозащитных или неправительственных организаций), заявитель подпадает под защиту статьи 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод]» (п. 43 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...заявление заявителя о предоставлении ему статуса беженца было отклонено, как неприемлемое, миграционными органами, которые пришли к выводу – и их вывод был впоследствии подтвержден российскими судами – что заявителю не может быть предоставлен статус беженца, поскольку не имелось доказательств, что его преследовали на основании его этнической принадлежности...[Д]оводы заявителя относительно риска жестокого обращения не получили должной оценки на национальном уровне» (п. 44 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...с учетом доказанного широко распространенного и повседневного применения в отношении членов узбекской диаспоры, к которой принадлежит заявитель, пыток и других жестоких видов обращения со стороны правоохранительных органов на юге Кыргызстана, а также с учетом безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточной защиты для заявителя в запрашивающей стране...[обосновано] наличие реальной угрозы применения в отношении заявителя обращения, запрещенного статьей 3, в случае его возвращения в Кыргызстан» (п. 48 постановления).⁷⁵

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №8474/14 «Набид Абдуллаев против России» (вынесено 15 октября 2015 г., вступило в силу 14 марта 2016 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что в случае его выдачи в Кыргызстан он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежит к узбекскому этническому меньшинству.

Европейский Суд отметил, что «...в отличие от других ранее рассмотренных Судом дел против России, касающихся экстрадиции в Кыргызстан, в настоящем деле внутригосударственные органы власти рассмотрели доводы заявителя, подтверждаемые различными источниками ООН⁷⁶ и докладами НПО⁷⁷, относительно существования распространенной практики пыток и иных форм жестокого обращения с узбеками в Кыргызстане, особенно в контексте уголовного преследования за преступления, связанные с событиями, произошедшими в июне 2010 года. Однако они сочли, что эти

⁷⁵ См. также постановление Европейского Суда по жалобе №15590/14 «Тургунов против России»

⁷⁶ Организация Объединённых Наций

⁷⁷ Неправительственная организация

обстоятельства сами по себе не могут считаться достаточными для отказа в выдаче заявителя Кыргызстану... [В]нутригосударственные суды придали особое значение дипломатическим заверениям властей Кыргызстана, которых, по их мнению, достаточно для устранения угрозы того, что заявитель будет подвергнут жестокому обращению в случае его выдачи» (п. 64 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...с учетом подтвержденного, широко распространенного и повсеместного применения пыток и других видов жестокого обращения правоохранительными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежит заявитель, безнаказанности сотрудников правоохранительных органов и отсутствия достаточных гарантий для заявителя в запрашивающем государстве...[обоснованно], что заявитель может столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод], в случае возвращения в Кыргызстан» (п. 70 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 5614/13 «*Мамадалиев против России*» (вынесено 24 июля 2014 г., вступило в силу 15 декабря 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, потому что он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству (пункт 43 постановления).

Европейский Суд установил, что «... российские власти вынесли решение об экстрадиции заявителя в Кыргызстан в связи с его преследованием по обвинению в убийстве, в уголовном процессе, который был возбужден против него в Джалал-Абаде на юге Кыргызстана. Джалал-Абад, который был ареной ожесточенных межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года, очевидно, является местом... куда будет экстрадирован заявитель» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «...в ходе внутринационального разбирательства, в котором заявитель обжаловал решение об его экстрадиции, он утверждал, что будучи этническим узбеком, он столкнется с серьезным риском жестокого обращения, если запрос об экстрадиции будет удовлетворен. С одной стороны, он сослался на общую ситуацию на юге Кыргызстана, которая характеризуется продолжающейся практикой преследования и дискриминации в отношении этнической узбекской общины. С другой стороны, он подчеркнул, что в его конкретном случае существовали определенные основания полагать, что персонально его преследование было произвольным и, следовательно, он столкнулся с реальным риском жестокого обращения... Верховн[ый] Суд... Республики Чечня... не прин[ял] во внимание доводы заявителя относительно

риска жестокого обращения в Кыргызстане... Он не обращался к показаниям заявителя, и не оценивал риск жестокого обращения на основе докладов авторитетных источников.... [П]ри принятии решения по запросу заявителя о предоставлении статуса беженца, суд... также не дал... адекватный ответ на его аргументы относительно риска жестокого обращения» (пункты 63, 64 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «...ссылка Властей на дополнительные заверения о предоставлении доступа российскому дипломатическому персоналу к месту содержания заявителя под стражей, не была подтверждена никакими доказательствами... Более того, в Суде не было продемонстрировано обязательство Кыргызстана гарантировать доступ к заявителю российского дипломатического персонала, который привел бы к эффективной защите от запрещенного жестокого обращения в практическом плане, а также не было показано, что вышеупомянутый персонал будет располагать достаточными навыками, необходимыми для эффективного наблюдения за соблюдением киргизскими органами власти их обязательств. Не было никакой гарантии, что они смогут говорить с заявителем без свидетелей. Кроме того, возможность их привлечения не была подтверждена ни практическим механизмом с изложением, например, процедуры, с помощью которой заявитель мог бы подавать им жалобы, или процедуры их беспрепятственного доступа к месту содержания под стражей» (пункт 69 постановления).

практика Комитета по правам человека

Сообщение: *Николай Валетов против Казахстана.* Сообщение № 2104/2011. Сообщение принято Комитетом 17 марта 2014 года.

Тема сообщения: угроза выдачи заявителя в Кыргызстан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что в ответ на жалобы автора от 29 июня 2011 г. и 27 июля 2011 г. государство-участник провело расследования в целях проверки утверждений о применении пыток. Вместе с тем Комитет принимает во внимание... не опровергнутые доводы автора о том, что «проверка стала простой формальностью», что автор не участвовал в процессе расследования, так и не был опрошен, а судебно-медицинская экспертиза не проводилась (пункт 14.3 Решения).

Комитет принимает к сведению... утверждение автора о том, что в результате пыток во время нахождения под стражей в Кыргызстане он получил тяжкие телесные повреждения, приведшие к инвалидности. Комитет принимает во внимание... утверждение государства-участника о том, что утверждения автора о пытках со стороны киргизстанских правоохранительных органов являются необоснованными и вызваны желанием остановить экстрадицию. По мнению Комитета, государство-участник не объяснило, почему оно отвергло утверждения автора о пытках, не проведя

перед его высылкой судебно-медицинской экспертизы, которая могла бы подтвердить его заявление о наличии на его теле до сих пор шрамов и следов пыток. Комитет отмечает также, что после экстрадиции государство-участник признало необходимость в этом и просило Генеральную прокуратуру Кыргызстана провести медицинское обследование для проверки утверждений автора о применении пыток (пункт 14.4 Решения).

Комитет напоминает, что на момент экстрадиции автора властям государства-участника было известно или должно было быть известно о наличии заслуживающих доверия публичных докладов о широко распространенном применении в Кыргызстане пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей⁷⁸. Он отмечает, что при оценке наличия реальной угрозы причинения непоправимого вреда в стране, направившей запрос об экстрадиции, компетентные органы власти Казахстана должны были принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая общую обстановку в Кыргызстане. Комитет принимает к сведению, что государство-участник заручилось заверениями Генеральной прокуратуры Кыргызстана в соблюдении прав автора. Наличие заверений, их содержание, а также наличие и применение механизмов обеспечения их выполнения – все это элементы, имеющие значение для общей оценки наличия или отсутствия реальной опасности запрещенного неправильного обращения. Комитет, однако, вновь указывает, что в предоставленных заверениях должен как минимум предусматриваться механизм мониторинга и их соблюдение должно гарантироваться практическими договоренностями, которые предусматривали бы их эффективное выполнение высылающим и принимающим государствами⁷⁹. Комитет принимает во внимание утверждение государства-участника о том, что сотрудники его посольства до сих пор не смогли посетить автора в месте его заключения в Кыргызстане, поскольку не получили соответствующего разрешения кыргызстанских властей. Государство-участник не сообщило Комитету, предпринимались ли им какие-либо действия в ответ на этот отказ в целях выполнения «дипломатических заверений», заключенных между Казахстаном и Кыргызстаном (пункт 14.5 Решения).

Комитет принимает к сведению.... утверждения автора о том, что после экстрадиции он подвергся обращению, запрещенному в соответствии со статьей 7..... [Международного пакта о гражданских и политических правах], и что 11 мая 2012 г. в знак протеста против повторного применения пыток, нерасследования сделанных им заявлений о пытках и многочисленных других нарушений своих прав человека, автор объявил голодовку. Представители государства-участника не посетили автора в изоляторе

⁷⁸ См. заключительные замечания Комитета по правам человека, Кыргызская Республика, ССРР/СО/69/KGZ, 20 июля 2000 года, пункт 7; доклад Комитета против пыток Генеральной Ассамблеи, А/55/44, пункт 74.

⁷⁹ См. сообщения № 1461/2006, 1462/2006, 1476/2006 и 1477/2006, *Максудов и др. против Кыргызстана*, пункт 12.5, и сообщение № 1416/2005, *Альзери против Швеции*, Соображения, принятые 25 октября 2006 года, пункт 11.5.

временного содержания, несмотря на просьбу автора, адресованную государству-участнику. Такое бездействие может объясняться отсутствием практических договоренностей в рамках предоставленных заверений или недостаточностью усилий со стороны государства-участника по обеспечению выполнения заверений. С учетом данных обстоятельств Комитет приходит к выводу о том, что получение заверений общего характера от Генерального прокурора Кыргызстана не может считаться эффективным механизмом, защищающим автора сообщения от опасности применения пыток (пункт 14.6 Решения).

Комитет отмечает, что решение казахстанских властей выдать автора в Кыргызстан, принятое без проведения надлежащего расследования утверждений о пытках и без учета заслуживающих доверия сообщений о широко распространенном применении пыток в отношении лиц, содержащихся под стражей в этой стране, а также необоснованный отказ в проведении медицинского освидетельствования перед его экстрадицией, указывают на серьезные нарушения процедур принятия решений и свидетельствуют о том, что государство-участник не приняло во внимание серьезные факторы риска, сопряженные с экстрадицией. Комитет отмечает также, что неспособность государства-участника впоследствии посетить автора и проконтролировать условия его содержания в заключении говорит о том, что государству-участнику не следовало удовлетвориться получением заверений от Генеральной прокуратуры Кыргызстана в качестве действенной гарантии от угрозы нарушения прав автора (пункт 14.7 Решения).

Выводы Комитета: Комитет считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Казахстаном прав автора сообщения, предусмотренных статьей 7 Пакта. Государство-участник нарушило также свои обязательства по статье 1 Факультативного протокола к Пакту⁸⁰ (пункт 15 Решения).

⁸⁰ Государство-участник нарушило свои обязательства по Факультативному протоколу, осуществив экстрадицию заявителя прежде, чем Комитет мог завершить свое рассмотрение и изучение дела, а также подготовку и препровождение своих соображений. Государство-участник совершило данные действия после того, как Комитет, действуя в соответствии с правилом 92 своих правил процедуры, обратился к государству-участнику с просьбой воздержаться от экстрадиции автора.

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

Практика Комитета по правам человека

Сообщение: *К.Б. против Российской Федерации.* Сообщение № 2193/2012. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее – Комитет) 10 марта 2016 г.

Тема сообщения: выдача в Кыргызстан и чрезмерное применение силы при задержании.

Вопрос существа: риск пыток и жестокого обращения; чрезмерное применение силы.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: утверждения автора о том, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он будет подвергнут пыткам, были рассмотрены Федеральной миграционной службой государства-участника в ходе разбирательств по поводу убежища и российскими судами в ходе разбирательств по поводу экстрадиции, которые сочли неосновательными его утверждения о том, что он столкнется в Кыргызстане с реальным, предсказуемым и личным риском подвергнуться пыткам. Комитет... отмечает, что большинство доказательств, представленных автором, касаются не его конкретного случая, а общей ситуации в Кыргызстане с правами человека. В этой связи, как отмечает Комитет, автор утверждает, что в марте 2010 года он подвергался в Кыргызстане пыткам и в результате проходил медицинское лечение в Грозном. Автор представил Комитету копию выписки из его медицинской карты относительно его лечения в Грозном, которая была выдана 31 декабря 2011 г., т.е. спустя почти два года после предполагаемого жестокого обращения в Кыргызстане в марте 2010 года. Комитет отмечает, однако, что, согласно этой выписке, автор проходил лечение в амбулаторном медицинском заведении в Грозном с 20 по 31 марта 2010 г., тогда как, согласно решению московского Управления Федеральной миграционной службы от 26 марта 2012 г., автор приехал в Москву 24 марта 2010 г. Вдобавок Комитет отмечает, что, согласно копиям разных апелляций автора, поданных властям государства-участника, автор не представлял властям эту выписку... [А]втор не предоставил ни властям государства-участника, ни Комитету каких бы то ни было сведений о жестоком обращении, перенесенном в марте 2010 года, т.е. тут нет никакой информации относительно метода пыток, контекста или предполагаемых исполнителей (как то: их имя и число). Комитет отмечает, что таких сведений не содержит и жалоба брата автора президенту Чечни от 17 апреля 2012 г. Он также отмечает, что в своем ходатайстве об убежище от 21 декабря 2011 г. автор заявил, что он покинул Кыргызстан в марте 2010 г. из-за этнических трений...; он не утверждал, что подвергался

пыткам. Вдобавок Комитет отмечает отсутствие каких-либо доказательств, которые подтверждали бы, что решения ведомств государства-участника носили явно произвольный характер в отношении утверждений автора. В свете вышеизложенного Комитет не может заключить, что имеющаяся у него информация показывает, что экстрадиция автора в Кыргызстан подвергала бы его реальному риску обращения вопреки статье 7..... [Международного пакта о гражданских политических правах]⁸¹ (пункт 10.4 Соображений).

Выводы Комитета: экстрадиция автора до рассмотрения его сообщения в Комитете противоречит просьбе Комитета относительно временных мер защиты по настоящему делу, вскрывая нарушение Российской Федерацией своих обязательств по статье 1 Факультативного протокола [к Международному пакту о гражданских и политических правах]⁸² (пункт 11 Соображений).

Государство-участник несет обязанность избегать нарушений статьи 1 Факультативного протокола в будущем и удовлетворять просьбы Комитета относительно временных мер⁸³ (пункт 12 Соображений).

2.8.6. выдача в Мексику

Установлено нарушение права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Комитета против пыток

Сообщение: *Режан Буали против Канады.* Сообщение № 327/2007. Решение, принятое Комитетом 14 ноября 2011 г.

Тема сообщения: выдача заявителя Мексике для отбывания тюремного заключения за незаконный оборот наркотиков.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что заявитель представлял свои доводы и вспомогательные⁸⁴ доказательства различным органам власти государства-участника.... Принимая к сведению утверждения заявителя о том, что суды государства-участника основывались в своих решениях на ошибочных предположениях относительно эффективности дипломатических заверений, предоставленных Мексикой, в частности в отношении способности мексиканских властей контролировать силы безопасности страны и уменьшать тем самым опасность применения пыток, Комитет приходит к выводу о том, что представленная ему

⁸¹ См., например, сообщение № 2192/2012, *Н.С. против Российской Федерации*, Соображения, принятые 27 марта 2015 г., пункт 10.4.

⁸² Там же, пункт 11.

⁸³ Там же, пункт 12.

⁸⁴ Дополнительные.

информация не указывает на наличие каких-либо очевидных ошибок в рассмотрении государством-участником утверждений заявителя и представленных им доказательств (пункт 14.2 Решения).

Оценивая опасность применения пыток на момент выдачи заявителя, Комитет отмечает, что заявитель указал на то, что подвергался пыткам во время ареста и что ему угрожали пытками в лазарете мексиканской тюрьмы в 1998 году и что в доказательство своих заявлений он представил медицинские заключения, подтверждающие, что он страдал психологическими отклонениями, включая посттравматический стресс, а также результаты проведенной полицией в государстве-участнике проверки на детекторе лжи, которые показали, что его утверждения о применении к нему пыток достоверны. В отношении реальной и личной опасности для заявителя подвергнуться пыткам в случае его выдачи Комитет отмечает, что заявитель указал на значительную опасность быть подвергнутым пыткам ввиду того, что он подлежал возвращению в ту же тюрьму, из которой совершил побег и в которой ему, согласно его утверждениям, угрожали пытками те самые сотрудники полиции из полицейского участка, которые арестовали его в 1998 г. Заявитель поставил под сомнение надежность дипломатических заверений, поскольку, с одной стороны, они были даны страной, в которой пытки, как утверждалось, были широко распространены или же практика их применения отрицалась властями, а во-вторых, было маловероятно, что полиция не станет допрашивать его в связи с преступлением, в совершении которого его обвиняли. В отношении последующих мер по контролю за соблюдением дипломатических заверений Комитет отмечает, что после своей выдачи заявитель утверждал, что был подвергнут пыткам, хотя государство-участник оспаривает правоту этих утверждений. Комитет также отмечает, что национальные суды государства-участника сочли, что опасность для заявителя быть подвергнутым пыткам будет минимальной и что заявитель не смог представить убедительных доказательств того, что будет допрашиваться полицией. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что опасность применения пыток была уменьшена благодаря дипломатическим заверениям, действенность которых была оценена с учетом того факта, что будет создан механизм для контроля за положением заявителя на основе его регулярных посещений сотрудниками консульской службы. Это утверждение оспаривается заявителем, который указывает на то, что в период с 17 по 20 августа 2007 г. государство-участник не предпринимало никаких шагов с целью удостовериться в его безопасности (пункт 14.3 Решения).

Неоспоримым является то, что заявитель ранее подвергался пыткам. С учетом этих обстоятельств Комитет должен определить, позволял ли характер дипломатических заверений в данном конкретном случае устранить все разумные сомнения в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам после выдачи. В этом контексте Комитет должен учесть, были ли предусмотрены в полученных дипломатических заверениях процедуры последующего контроля, которые гарантировали бы их эффективность (пункт 14.4 Решения).

В данном случае Комитет придерживается того мнения, что перед тем как принять решение о выдаче, государство-участник не учло всех обстоятельств, указывающих на то, что заявитель подвергался предсказуемой, реальной и личной опасности применения к нему пыток. Во-первых, государство-участник не учло того факта, что заявитель подлежал направлению в ту же тюрьму, в которой во время его побега несколькими годами ранее погиб тюремный охранник, и что гибель охранника также являлась одной из причин направления запроса о выдаче. Во-вторых, согласованная система дипломатических заверений не была тщательным образом отработана для эффективного предотвращения пыток. Дипломатические и консульские представительства государства-участника не были надлежащим образом уведомлены о высылке заявителя и не были информированы о необходимости поддержания тесного и постоянного контакта с ним начиная с момента передачи его властям принимающей стороны. В данном случае дипломатические заверения и предусматривавшиеся посещения сотрудниками консульской службы не позволили предугадать вероятность того, что заявитель столкнется с весьма серьезной опасностью применения пыток в течение первых дней своего тюремного заключения. А такая опасность действительно оказалась реальной, поскольку заявитель прибыл в Мексику 17 августа 2007 г. и, по его словам, подвергался пыткам в период с 17 по 20 августа 2007 г. При этом государство-участник до 22 августа 2007 г. не предпринимало никаких мер для того, чтобы удостовериться в его безопасности (пункт 14.5 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... делает вывод о том, что высылка заявителя государством-участником в Мексику представляла собой нарушение статей 3 и 22 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.] (пункт 14.6 Решения).

2.8.7. выдача в Таджикистан

Установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 31890/11 «*Низомохон Джураев против России*» (вынесено 3 октября 2013 г., вступило в силу 20 января 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: «Европейский Суд отмечает длящуюся и преобладающую критику, выражаемую в национальных и международных докладах, которые на протяжении последних нескольких лет последовательно

сообщали о распространенном систематическом использовании пытки правоохранительными органами Таджикистана и безнаказанности должностных лиц государства. Он уже рассматривал в нескольких делах ситуации выдачи или принудительного возвращения заявителей в эту страну и отметил, что они вызывают серьезную озабоченность.... Во всех этих делах, разрешенных Европейским Судом в 2010 году, он заключил, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, заявители столкнулись с серьезной угрозой пытки или жестокого обращения в связи с обвинениями по поводу их политических или религиозных взглядов или деятельности в Таджикистане» (пункт 124 постановления).

«Хотя таджикские власти полагали, что подобные нарушения прав человека остались в прошлом, материалы, представленные в настоящем деле или полученные Европейским Судом иным образом, не демонстрируют значимого прогресса за последние два года. Большинство последних докладов, датируемых 2011 и 2012 годами, продолжают указывать на сохранение практики пытки и иного жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов.... Европейский Суд находит, что объяснения государства-ответчика не опровергают эти недавние доклады или иным образом не свидетельствуют об ощутимом улучшении ситуации в Таджикистане» (пункт 125 постановления).

«[О]дни лишь ссылки на общие проблемы с соблюдением прав человека в конкретной стране не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции, кроме самых исключительных обстоятельств. Специфические утверждения заявителя по конкретному делу должны подтверждаться иными доказательствами со ссылкой на индивидуальные обстоятельства, подтверждающие его опасения подвергнуться жестокому обращению. По мнению Европейского Суда, необходимость в таких доказательствах тем больше в таком деле, как настоящее, поскольку обвинения, выдвинутые против заявителя в Таджикистане, по-видимому, носят общеуголовный характер ... В отсутствие значимой оценки обстоятельств заявителя со стороны российских властей Европейский Суд вынужден рассматривать факты, подкрепляющие версию заявителя, включая показания свидетелей» (пункт 126 постановления).

«Свидетели давали последовательные показания в различное время. Способ передачи этих показаний свидетелями и средствами массовой информации также был последовательным. С учетом их существа и способа их записи и сбора Европейский Суд не видит оснований сомневаться в их аутентичности. Он также находит версии жестокости, содержащиеся в этих показаниях, соответствующими вышеупомянутым докладам о ситуации в Таджикистане, включая те, которые датируются периодом проведения расследования по «Исфаринскому делу»» (пункт 127 постановления).

Европейский Суд отмечает, что «заявитель обвинялся в экономических преступлениях, совершенных в крупном размере, и организации деятельности преступной группы, которые считаются тяжкими или особо тяжкими в

большинстве государств, включая Таджикистан. Он также являлся основным фигурантом уголовного дела, по которому уже были осуждены более 30 человек, и многие из них утверждали в той или иной форме, что подвергались пытке с целью оговора заявителя. Европейский Суд полагает, что угроза еще больше увеличилась вследствие разоблачения заявителем злоупотреблений таджикских следственных органов путем обнародования свидетельских показаний о пытке» (пункт 128 постановления).

«Явная заинтересованность таджикских властей в благоприятном исходе разбирательства по настоящему делу повышала угрозу подверженности заявителя пытке с целью склонения его к даче показаний. Настойчивые требования таджикской Генеральной прокуратуры о содержании заявителя под стражей в России по новым основаниям и последующая принудительная передача последнего Таджикистану подкрепляют довод о том, что таджикские власти были сильно заинтересованы в преследовании заявителя, что ставило его в особо уязвимое положение» (пункт 129 постановления).

Европейский Суд приходит к выводу о том, что «личные обстоятельства заявителя, которые усугубляла общая ситуация в Таджикистане, были достаточны для вывода о том, что угроза жестокого обращения с ним была реальной и сопоставимой с угрозой, которую Европейский Суд ранее устанавливал относительно заявителей, которые преследовались в Таджикистане в связи с их политической или религиозной деятельностью» (пункт 130 постановления).

«Остается рассмотреть вопрос о том, могла ли угроза, которой заявитель подвергался бы в случае выдачи, уменьшиться в связи с дипломатическими заверениями, которые таджикские власти представили Российской Федерации. Заслуживает внимания, что дипломатические заверения, содержащиеся в письмах от 1 сентября 2010 г. и 26 января 2011 г..., были более конкретными, чем те, которые рассматривал Европейский Суд в предыдущих делах относительно выдачи Таджикистану. Гарантии указывали, что заявитель не подвергнется пытке, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и что представители российского дипломатического корпуса и Генеральной прокуратуры смогут навещать его в любое время в период судебного разбирательства и после осуждения и наблюдать условия его содержания» (пункт 131 постановления).

Европейский Суд отмечает в этом отношении, что «Таджикистан не является государством - участником Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]..., и его власти не продемонстрировали наличие эффективной системы правовой защиты против пытки, которая была бы эквивалентом системы, требуемой от государств-участников. Напротив, как установлено выше, таджикские власти неохотно расследовали утверждения о пытке и наказывали виновных. Озабоченность Европейского Суда по поводу готовности таджикских властей соблюдать национальное законодательство и международное право еще больше

усугубляется неоднократными случаями исчезновения таджикских граждан в России и их последующей тайной репатриации в Таджикистан путем обхода существующей процедуры выдачи обеих стран.... Принудительная репатриация заявителя в настоящем деле подтверждает наличие этой явно незаконной модели. При таких обстоятельствах заверениям таджикских властей о том, что с заявителем будут обращаться в соответствии с Конвенцией, не может придаваться существенное значение» (пункт 132 постановления).

«Европейскому Суду не было продемонстрировано, что обязательство Таджикистана гарантировать доступ к заявителю российского дипломатического персонала и сотрудников Генеральной прокуратуры России обеспечит эффективную защиту против пытки и жестокого обращения с практической точки зрения. Не представлены доводы о том, что вышеупомянутый персонал обладает необходимой независимостью и квалификацией для эффективного мониторинга соблюдения своих обязательств таджикскими властями. Также отсутствуют гарантии того, что они смогут говорить с заявителем без свидетелей Кроме того, их потенциальное участие не подкреплялось практическим механизмом, который, например, устанавливал бы процедуру подачи жалоб заявителем или неограниченный доступ к пенитенциарным заведениям» (пункт 133 постановления).

«Российские власти не пытались разъяснить заверения в этих пунктах.... и не ссылались на прецеденты, которые позволили бы Европейскому Суду установить, что при подобных обстоятельствах российским должностным лицам разрешено посещать заключенных в Таджикистане и что такие посещения эффективны с точки зрения рассмотрения жалоб. Слабость заверений в этих пунктах дополнительно подтверждается, по мнению Европейского Суда, отсутствием до настоящего времени информации о том, что уполномоченные российские должностные лица приняли меры для посещения заявителя после его передачи Таджикистану или иным образом удостоверились, что с ним обращаются в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 134 постановления).

«Европейский Суд не может согласиться с утверждением властей Российской Федерации о том, что гарантии, предоставленные таджикскими властями в отношении обращения с заявителем в Таджикистане, достаточны для исключения угрозы жестокого обращения с ним в этой стране... Следовательно, Европейский Суд полагает, что принудительное возвращение заявителя в Таджикистан подвергло его реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции» (пункт 135 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 25404/09 «*Гафоров против России*» (вынесено 21 октября 2010 г., вступило в силу 11 апреля 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает, что «доказательства из различных объективных источников описывают ситуацию в Таджикистане как вызывающую опасения. В частности, Комитет ООН против пыток... описыва[е]т практику применения пыток к лицам, которые содержатся под стражей в милиции, как «систематическую», «широко распространенную» и «регулярную» ... Комитет также отметил, что заключенные часто подвергаются незарегистрированному лишению свободы, они лишены доступа к юридической помощи и медицинской экспертизе после задержания и что часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток» (пункт 130 постановления).

Обращаясь к личной ситуации заявителя, Европейский Суд отмечает, что «он разыскивался властями Таджикистана в связи с предполагаемым активным участием в «Хизб ут-Тахрир», религиозной организации, которую Верховный суд Таджикистана запретил по причине ведения ею экстремистской деятельности. Полный перечень обвинений против заявителя включал, помимо возбуждения религиозной розни и участия в преступной организации, призывы к свержению конституционного строя, что несомненно относится к категории преступлений против национальной безопасности» (пункт 132 постановления).

Что касается довода заявителя о том, что он уже перенес жестокое обращение, находясь под контролем сотрудников таджикских правоохранительных органов, Европейский Суд отмечает, что «он не представил определенных доказательств, таких, как, например, показания его родственников, в подтверждение своих доводов. Тем не менее он полагает, что описание событий заявителем является последовательным и подробным... В этом отношении Европейский Суд находит странным, что постановление от 25 мая 2006 г., вынесенное властями Таджикистана, прямо предусматривало, что заявитель совершил побег с «дачного участка» МНБ⁸⁵, что, по мнению Европейского Суда, придает дополнительную убедительность его доводам, касающимся событий после его задержания в Таджикистане в 2006 г.» (пункт 135 постановления).

«Принимая во внимание обстановку безнаказанности для сотрудников правоохранительных органов, применяющих пытки ..., и тот факт, что в случае выдачи заявитель, вероятно, будет содержаться в период судебного разбирательства в том же следственном изоляторе, Европейский Суд полагает, что его довод о наличии для него повышенной угрозы обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в качестве возмездия за побег из-под стражи не может считаться полностью беспочвенным. В этом отношении он принимает во внимание

⁸⁵ Министерство национальной безопасности.

довод заявителя, согласно которому к его родственникам обращались сотрудники правоохранительных органов, угрожавшие им и заявителю репрессиями» (пункт 136 постановления).

Европейский Суд также придает значение тому факту, что «Управление ВКБ ООН, опросив заявителя и тщательно рассмотрев его дело, пришло к выводу, что не может вернуться в Таджикистан, поскольку является лицом, преследуемым по мотивам приписываемых ему политических убеждений, и что он имеет право на международную защиту на основании его мандата» (пункт 137 постановления).

«[П]оскольку власти страны руководствовались дипломатическими гарантиями со стороны Генеральной прокуратуры Таджикистана, Европейский Суд отмечает, что сами по себе они недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту от угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции» (пункт 138 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 17185/05 *«Искандаров против России»* (вынесено 23 сентября 2010 г., вступило в силу 21 февраля 2011 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: «Европейский Суд... переходит к рассмотрению вопроса о том, давала ли личная ситуация заявителя основания предполагать, что он подвергнется серьезной угрозе жестокого обращения в Таджикистане. Он отмечает в этой связи, что заявитель был одним из возможных противников президента Рахмонова на президентских выборах. К моменту его перемещения с территории России уже были изданы доклады, касающиеся политического преследования и жестокого обращения с другим лидером оппозиции и критиком режима Шамсиддиновым... При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что дело заявителя имело конкретные отличительные черты, которые могли и должны были заставить российские власти предвидеть, что ему угрожало жестокое обращение в Таджикистане» (пункт 131 постановления).

«Невозможность установления того, действительно ли заявитель подвергался жестокому обращению после возвращения в Душанбе, как он утверждал в Европейском Суде и иных международных организациях, не влияет на выводы Европейского Суда» (пункт 132 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 21055/09 *«Хайдаров против России»* (вынесено 20 мая 2010 г., вступило в силу 4 октября 2010 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: «Европейский Суд отмечает...., что доказательства из различных объективных источников несомненно свидетельствуют о том, что общая ситуация с правами человека в Таджикистане вызывает серьезные опасения. Например, Комитет против пыток подчеркивал, что законодательство Таджикистана о запрещении пыток не полностью соответствует Конвенции против пыток, что само по себе может вызывать сомнения относительно уровня защиты, предоставляемой лицам, жалующимся на жестокое обращение. Комитет также подчеркивал, что заключенные часто подвергаются незарегистрированному содержанию под стражей без доступа к адвокату или медицинской помощи и что постоянно используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток» (пункт 104 постановления).

«Принимая во внимание, что власти Российской Федерации не смогли убедительно доказать, что ситуация с правами человека в Таджикистане радикально улучшилась по сравнению с ситуацией, описанной в вышеперечисленных докладах авторитетных организаций, Европейский Суд готов признать, что жестокое обращение с заключенными является постоянной проблемой в Таджикистане» (пункт 105 постановления).

Заявитель утверждал, что «угроза подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане усиливалась в связи с его узбекским происхождением. Европейский Суд отмечает в этой связи, что имелись сообщения о случаях дискриминации узбеков в Таджикистане Кроме того, заявитель обращал внимание российских властей на то, что обвинения против него касались событий, которые произошли в контексте гражданской войны. Европейский Суд отмечает в этой связи, что, как указывает государственный департамент США, несколько сотен политических заключенных, включая бывших противников правящей партии, которые участвовали в гражданской войне, содержались под стражей в Таджикистане» (пункт 107 постановления).

«Управление ВКБ ООН⁸⁶ в Российской Федерации, изучив дело заявителя, заключило, что уголовные обвинения в бандитизме представляли собой замаскированное преследование «по причине политических взглядов, приписываемых заявителю, которого (власти Таджикистана) считают причастным к антиправительственной деятельности, поскольку он входил в группы ополченцев, подозреваемые в участии в вооруженном конфликте 1997 года»... При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что личная ситуация заявителя, вполне вероятно, повысит угрозу причинения ему вреда в Таджикистане» (пункт 108 постановления).

«Ссылка властей Российской Федерации на тот факт, что заявитель не обратился за предоставлением политического убежища сразу после прибытия в Россию, не опровергает с необходимостью утверждения заявителя об угрозе жестокого обращения, поскольку защита, предоставляемая статьей 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], в любом случае шире

⁸⁶ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

защиты, в соответствии со статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года Кроме того, следует отметить, что Управление ВКБ ООН в Российской Федерации признало, что, по его мнению, заявитель являлся «беженцем» в значении Конвенции 1951 г.» (пункт 109 постановления).

Европейский Суд полагает, что «были продемонстрированы существенные основания, позволяющие заключить, что заявитель столкнется с реальной угрозой обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, в случае его выдачи в Таджикистан» (пункт 110 постановления).

Европейский Суд отмечает, что «власти Российской Федерации ссылались на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана, согласно которым заявитель не будет подвергаться там жестокому обращению ... Однако Европейский Суд отмечает, что письма Генеральной прокуратуры Таджикистана от 10 апреля и 26 мая 2009 г., которые власти Российской Федерации характеризовали как дипломатические гарантии, не содержали каких-либо ссылок на защиту заявителя от обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции. Одно лишь утверждение о том, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию против пыток, не может рассматриваться как гарантия против угрозы подвергнуться пыткам, с которой заявитель мог столкнуться в Таджикистане. В любом случае, дипломатические гарантии сами по себе недостаточны, чтобы обеспечить адекватную защиту против угрозы жестокого обращения, если надежные источники сообщают о практиках, применяемых или допускаемых властями, которые явно противоречат принципам Конвенции» (пункт 111 постановления).

«[С]уды не предприняли попыток исследовать тот факт, что обвинения против заявителя касались событий, произошедших в контексте последствий гражданской войны, и что власти Таджикистана могли выдвинуть их с целью мести бывшим политическим противникам» (пункт 113 постановления).

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 77658/11 «***Латинов против России***» (вынесено 12 декабря 2013 г., вступило в силу 12 марта 2014 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель утверждал, «ссылаясь на статью 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод], что «в случае выдачи в Республику Таджикистан он может быть подвергнут пыткам и жестокому обращению. После исчезновения заявителя в октябре 2012 года его адвокат

подала жалобу, сообщив также, что похищение заявителя в г. Волгограде было совершено с участием служб безопасности Российской Федерации. Что касается заявления организации «Международная амнистия», адвокат полагает, что, учитывая обстоятельства похищения, заявитель, возможно, находится в настоящее время в Республике Таджикистан, и есть основания полагать, что он может содержаться под стражей властями Республики Таджикистан без связи с внешним миром» (пункт 75 постановления).

Европейский Суд отметил, что «Федеральная миграционная служба, а затем суды Российской Федерации тщательно рассмотрели доводы заявителя, в том числе связанные с его личной ситуацией, и отклонили их как необоснованные» (пункт 93 постановления).

С учетом представленных документов Европейский Суд отметил, что «внутригосударственные органы власти, в частности, Федеральная миграционная служба и суды двух инстанций проанализировали предоставленные заявителем сведения, а также доказательства, собранные властями по собственной инициативе....., и отклонили утверждения заявителя как необоснованные. Каждый вопрос обсуждался в ходе состязательного процесса, и на него был дан полный и надлежащий ответ. Ничто в материалах дела не заставляет предположить, что осуществленная внутригосударственными судами оценка риска жестокого обращения в Республике Таджикистан была бы поверхностной или ошибочной» (пункт 94 постановления).

Европейский Суд установил, что «власти Российской Федерации уделили особое внимание гарантиям властей Республики Таджикистан относительно того, что заявитель не будет подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, что его выдача не была обусловлена политическими, религиозными или национальными мотивами и что заявитель будет подвергнут уголовному преследованию только за преступления, указанные в запросе о выдаче» (пункт 95 постановления).

Заявитель «обвиня[л]с» в общеуголовных преступлениях: похищении, уничтожении имущества, краже. Решения властей Республики Таджикистан, в которых описываются обстоятельства преступлений и предъявленные заявителю обвинения, не являются на первый взгляд плохо обоснованными. Кроме того, нет оснований подвергать сомнению вывод внутригосударственных судов о том, что в отношении вменяемых заявителю в вину деяний не истекли сроки давности уголовного преследования ни согласно законодательству Российской Федерации, ни согласно законодательству Республики Таджикистан. Что касается утверждения о том, что указанные обвинения имели политические мотивы, Европейский Суд отме[тил] вместе с внутригосударственными органами власти, что каких-либо доказательств в поддержку этого утверждения представлено не было. Если организация «Международная амнистия» назвала заявителя политическим оппонентом, то заявитель всегда утверждал перед властями Российской Федерации, что он не

являлся членом ни одного политического движения» (пункт 99 постановления).

Заявитель не предоставил информации, которая «подтверждала бы его доводы, ни на внутригосударственном уровне, ни в Европейском Суде. ... [О]ни никогда не являлся участником какого-либо движения, политического или религиозного, принадлежность к которым могла бы подвергнуть его риску преследования или жестокого обращения» (пункт 100 постановления).

Что касается риска для заявителя «подвергнуться преследованию за то, что он являлся сторонником политического оппозиционера Х.А. Тураджонзода, Европейский Суд принял во внимание вывод Федеральной миграционной службы Российской Федерации, указавшей на противоречие между 2001 годом, когда было возбуждено уголовное дело против заявителя, и 2009 годом, когда было дано первое интервью указанным политическим деятелем, в котором он предположительно критиковал власти Республики Таджикистан. Кроме того, заявитель не «предоставил доказательств ни своего участия в партии указанного политического деятеля, ни оказанных заявителем ему услуг, объяснив в отношении последнего вопроса отсутствие подтверждающего статус заявителя документа тем, что в отличие от других телохранителей он не был нанят официально. Европейский Суд также отме[тил], что утверждение, согласно которому заявитель являлся жертвой покушений на него в Республике Таджикистан, не было подтверждено какими-либо существенными доказательствами» (пункт 101 постановления).

Довод заявителя о том, что «постановление о задержании было датировано неправильным числом, опровергается тем фактом, что международное постановление о его задержании было вынесено в 2007 году, то есть задолго до интервью, на которое ссылался заявитель. Что касается довода о том, что на вменяемые заявителю в вину деяния якобы распространялся Закон от 14 мая 1999 г. об амнистии, Европейский Суд прин[ял] во внимание позицию внутригосударственных судов, в соответствии с которой деяния, перечисленные в запросе о выдаче, не попадали под действие амнистии. Эта позиция также подтверждается постановлением о возбуждении уголовного дела, вынесенным прокурором г. Душанбе 10 января 2011 г., согласно которому заявителю вменялись в вину деяния, совершенные в период с 1998 по 2001 год). Заявитель, в свою очередь, не опроверг данный вывод» (пункт 102 постановления).

Заявитель не предоставил доказательств, «подтверждающих реальный характер личных рисков, которые может повлечь для него возвращение в Республику Таджикистан ... [О]бщие сведения о сложном положении с правами человека в Республике Таджикистан не являются сами по себе достаточными, чтобы оправдать отказ в выдаче в указанную страну» (пункт 104 постановления).

Заявитель также утверждал о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции в той степени, в которой его содержание под стражей до выдачи было незаконным.

Европейский Суд учел «заявление Властей, согласно которому «освобождение заявителя, предписанное постановлением [суда], не было незамедлительным в силу «технической проблемы». Данное заявление, по мнению Суда, было равносильно явному признанию того, что содержание заявителя под стражей не имело под собой никакого законного основания по российскому праву» (п. 140 постановления).

Суд заключил, что «...содержание заявителя под стражей для выдачи закончилось 4 мая 2012 года. Что касается основания содержания заявителя под стражей в спецприемнике, а именно судебного решения от 4 мая 2012 года, назначившего передачу заявителя в другое государство в административном порядке, то оно было отменено 21 августа 2012 г.... Тогда как лишение свободы после указанной даты ни при каких обстоятельствах не было приемлемо в соответствии с положениями пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п.141 постановления).

2.8.8. выдача в Туркменистан

Установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 8320/04 «*Рябкин против России*» (вынесено 19 июня 2008 г., вступило в силу 19 сентября 2008 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд отмечает, что «... доказательства из ряда объективных источников свидетельствуют о том, что крайне плохие условия заключения, жестокое обращение и пытки по-прежнему вызывают беспокойство наблюдателей за ситуацией в Туркменистане. Он также отмечает, что точные сведения о ситуации с правами человека в Туркменистане, особенно в местах лишения свободы, сложно получить и проверить, учитывая многочисленные ограничения, обусловленные политическим режимом, который описывается как «один из самых репрессивных и закрытых», и систематические отказы туркменских властей в разрешении на мониторинг мест лишения свободы международными или неправительственными наблюдателями. В связи с этим судьба самых заметных заключенных зачастую остается неизвестной даже их семьям» (пункт 116 постановления).

«Власти Российской Федерации ссылались на отклонение ходатайства заявителя о признании беженцем российскими миграционными властями и судами. Это было сделано в основном по следующим основаниям: заявителю было разрешено беспрепятственно и на законных основаниях покинуть

Туркменистан; его семья продолжала благополучно проживать в Туркменистане; по прибытии в Россию заявитель не обратился немедленно за предоставлением убежища; и уголовное дело в Туркменистане было связано не с политическими или религиозными взглядами и этническим происхождением заявителя, а с его коммерческой деятельностью. Власти не нашли подтверждений тому, что заявитель подвергался преследованиям по национальным мотивам, и поэтому решили, что он не являлся беженцем в значении применимого законодательства. Европейский Суд не имеет оснований ставить под сомнение эти выводы. Однако он неоднократно устанавливал, что [с]татья 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] предоставляет более широкую защиту, чем Статья 33 Конвенции 1951 года «О статусе беженцев», на которой основано применимое российское законодательство» (пункт 118 постановления).

Европейский Суд отмечает «ссылку властей Российской Федерации на гарантии [Г]енерального прокурора Туркменистана, согласно которым заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в указанной стране. Однако Европейскому Суду не была предоставлена копия этого письма. В любом случае, даже если предположить, что такие гарантии были даны, Европейский Суд отмечает, что процитированные выше доклады свидетельствуют о том, что власти Туркменистана систематически отказывали международным наблюдателям в доступе в страну, прежде всего в места лишения свободы. При таких обстоятельствах Европейский Суд вынужден поставить под вопрос ценность гарантий, согласно которым заявитель не будет подвергнут пытке, учитывая очевидное отсутствие объективных средств наблюдения за их соблюдением. Европейский Суд также напоминает свои прецедентные нормы, согласно которым дипломатические гарантии как таковые недостаточны для обеспечения адекватной защиты против угрозы жестокого обращения, если достоверные источники сообщают о практике, применяемой или допускаемой властями, которая явно противоречит принципам Конвенции» (пункт 119 постановления).

Европейский Суд отмечает, что «российские власти не рассматривали иным образом жалобы заявителя, затрагивающие [с]татью 3 Конвенции, поскольку разбирательство о предоставлении ему статуса беженца ограничивалось вопросом, мог ли он считаться жертвой преследований по одному из мотивов, предусмотренных применимыми положениями внутригосударственного и международного права. Власти Российской Федерации заявили, что у них отсутствовали причины исследовать условия заключения заявителя в Туркменистане, поскольку он не содержался там под стражей. Однако учитывая абсолютный характер запрета, предусмотренного [с]татьей 3 Конвенции, такая оценка должна проводиться до принятия решения о выдаче, охватывая все значимые обстоятельства с целью предотвращения жестокого обращения» (пункт 120 постановления).

Основным обстоятельством, на «которое заявитель ссылается в соответствии со [с]татьей 3 Конвенции, является угроза жестокого обращения

при содержании под стражей в Туркменистане, усиленная его этническим происхождением⁸⁷. Европейский Суд отмечает, что в Туркменистане заявителю было предъявлено обвинение в совершении серьезного преступления (растраты), наказуемого продолжительным лишением свободы (на срок от 8 до 15 лет) ..., и что в 2001 году было принято постановление о его задержании. В случае выдачи в Туркменистан заявитель почти несомненно будет лишен свободы и подвергнется реальной угрозе провести годы в заключении. Учитывая вышеприведенные сведения об условиях содержания, отсутствии контактов с внешним миром в заключении и уязвимом положении меньшинств, Европейский Суд приходит к выводу о наличии достаточных оснований полагать, что он подвергнется реальной угрозе обращения, запрещенного [с]татьей 3 Конвенции» (пункт 121 постановления).

2.8.9. выдача в Узбекистан

Установлено нарушение права выдаваемого лица не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе № 58923/14 «*Холмуродов против России*» (вынесено 1 марта 2016 г., вступило в силу 4 июля 2016 г.), которым установлено, что исполнение решения УФМС России о депортации заявителя либо его иное принудительное перемещение в Республику Узбекистан (в порядке экстрадиции, депортации или иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Наряду с этим установлено нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от выявленных нарушений.

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался на то, что отправка его в родную страну, Узбекистан, подвергла бы его обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, по причине обвинений в уголовных правонарушениях, вынесенных в его отношении в этом государстве

Европейский Суд указал на то, что «...что лица, обвиняемые в Узбекистане в правонарушениях политического и религиозного характера, принадлежат к уязвимой группе, систематически подвергаемой практике жестокого обращения в указанной стране... [Т]акже, если лицо, подлежащее выдворению или экстрадиции в эту страну, может доказать принадлежность к такой группе, он может не доказывать наличие дополнительных особых

⁸⁷ Русский.

отличительных признаков, которые выделяли бы лично его, чтобы доказать, что лично он подвергался и продолжает подвергаться опасности» (пункт 64 постановления).

В настоящем деле Суд установил, что «...заявитель обвиняется в Узбекистане, в числе прочего, в посягательстве на конституционный строй, изготовлении и разглашении материалов, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, а также в создании и управлении экстремистскими религиозными организациями, сепаратистскими, фундаменталистскими и другими запрещенными организациями и в участии в таких организациях... [Э]ти обвинения носят, без сомнения, политический и религиозный характер, что причисляет заявителя к группе особенно уязвимых лиц, подверженных риску жестокого обращения в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...дипломатические заверения⁸⁸ сами по себе не являются достаточными. Необходимо, чтобы эти заверения предоставляли в своем практическом применении достаточную гарантию, что заявитель действительно будет защищен от риска применения жестокого обращения... [З]аверения, данные органами власти Узбекистана, не предусматривали дипломатических или основанных на участии наблюдателей механизмов, которые позволяли бы обеспечить объективный контроль за их соблюдением» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «...одного только существования внутригосударственных норм и ратификации международных соглашений, гарантирующих уважение основных прав человека, недостаточно, чтобы обеспечить соответствующую защиту от риска жестокого обращения, поскольку, как в настоящем деле, достоверные источники подтверждают практику органов власти – или допускаемую ими – явно противоречащую принципам Конвенции» (пункт 67 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «...высылка заявителя в Узбекистан подвергла бы его реальному риску жестокого обращения, противоречащему статье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 70 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его жалобы, касающиеся риска ненадлежащего обращения, которому он подвергся бы в случае возвращения в Узбекистан, не были надлежащим образом рассмотрены государственными органами, что, по его словам, нарушало статью 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Суд отметил, что «...суды не рассмотрели доводы заявителя, касающиеся риска жестокого обращения, ограничившись обоснованием применения депортации соображениями охраны общественного порядка... [Р]ешение [Управления федеральной миграционной службы России], которым заявителю было предоставлено временное убежище, не содержало ни анализа

⁸⁸ Дипломатические заверения, в соответствии с которыми заявитель не подвергнется бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в своей родной стране.

его личного положения, ни оценки риска, которому он мог быть подвергнут в случае перемещения в Узбекистан, и что оно ограничивалось упоминанием обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента... [Н]и первая, ни вторая из этих процедур не предоставила заявителю внимательного контроля и тщательного рассмотрения, которых требует статья 13, в том, что касается его заявления, в соответствии с которым он подвергался риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае возвращения в Узбекистан» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...[заявитель] не имел эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13, чтобы отстаивать свою жалобу по статье 3 Конвенции» (пункт 78 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, что его содержание под стражей не является правомерным.

Суд отметил, что «...[прокурор] вынес постановление об избрании меры пресечения в виде заключения заявителя под стражу на два месяца, основываясь на части 2 статьи 466 УПК [РФ]... [П]остановление № 11 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г.⁸⁹ действовало во время событий, внутригосударственные суды... явно ссылались на пункт 21 данного постановления, поскольку они подтвердили решение прокурора» (пункт 88 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет, что, поскольку запрос об экстрадиции сопровождается распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом, прокурор может, в применение части 2 статьи 466 УПК, вынести решение о помещении этого лица под стражу на срок, не превышающий двух месяцев с момента, когда это лицо было задержано (пункт 89 постановления).

Суд указал на то, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... уточняет также, что в отсутствие запроса об экстрадиции, распоряжение о помещении под стражу может быть вынесено только российским судом, и что даже после получения запроса об экстрадиции оно может быть продлено только российским судом. Прочтенные совместно пункты 19 и 21 постановления, по-видимому, указывают на то, что толкование, вытекающее из применимого права, заключается в том, что в контексте процедуры экстрадиции прокурор может выносить решение только о первоначальном помещении под стражу и только после получения запроса об экстрадиции – сопровождаемого распоряжением о содержании под стражей, вынесенном иностранным судом; если это последнее условие не выполнено, первоначальное решение о помещении под стражу может быть принято только российским судом, который, кроме того, во всех ситуациях

⁸⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

является единственным компетентным судом в вопросе продления такой меры...[В] настоящем деле часть 2 статьи 466 УПК не применялась национальными судами в соответствии с этим порядком» (пункт 90 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...[п]остановление [Пленума Верховного Суда Российской Федерации]... не уточняет, как разграничить часть 2 статьи 466 УПК – которая позволяет прокурору вынести постановление о помещении под стражу в целях экстрадиции – и часть 4 статьи 108 этого же кодекса, которая предусматривает, что только российский суд может вынести постановление о применении меры, связанной с лишением свободы» (пункт 91 постановления).

Суд пришел к выводу, что «...лишение свободы, которому подвергся заявитель... не являлось правомерным в смысле пункта 1 статьи 5 Конвенции, в связи с отсутствием правовой основы, которая имела бы требуемые в целях соответствия общему принципу правовой безопасности качества» (пункт 92 постановления).

Заявитель также жаловался, наконец, на то, что он был лишен процедурных гарантий в ходе принятия решения о его депортации, по его мнению, в нарушение статьи 1 Протокола № 7 Конвенции.

Суд подчеркнул, что «...статья 1 [П]ротокола №7 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] относится явным образом к иностранным гражданам, «на законных основаниях проживающим на территории какого-либо государства»... [Н]ичто в материалах дела не свидетельствует о том, что заявитель правомерно въехал на российскую территорию, чтобы остаться, и что он имел «законно обоснованное ожидание» получить разрешение на пребывание... [И]з материалов дела не следует, что он...имел разрешение на временное пребывание... [З]аявитель имел поддельный паспорт в момент, когда он был задержан российскими органами власти, и...этот факт, в числе прочих, послужил основанием для его последующего осуждения по уголовному делу... [Т]от факт, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на территории Российской Федерации на момент принятия постановления о выдворении в его отношении, не делал пребывание заявителя «правомерным» в смысле статьи 1 Протокола № 7 Конвенции» (пункт 97 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...данная жалоба несовместима ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, с положениями Конвенции в значении пункта 3 статьи 35 и подлежит отклонению в соответствии с пунктом 4 статьи 35» (пункт 98 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам № 68900/13, «*Эшонкулов против России*» (вынесено 15 января 2015 г., вступило в силу 1 июня 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Суд отмечает, что «более десятилетия органы Организации Объединенных Наций и международные неправительственные организации представляли тревожные доклады о ситуации в системе уголовного правосудия Узбекистана, использовании пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, плохих условиях в следственных изоляторах, систематическом преследовании политической оппозиции и грубом отношении к определенным религиозным группам» (пункт 33 постановления).

«Суд ранее сталкивался с множеством случаев насильственного возвращения из России в Узбекистан лиц, обвиненных органами власти Узбекистана в осуществлении уголовной, религиозной и политической деятельности.... Постоянная позиция Суда состоит в том, что лица, чьей выдачи требовали узбекские власти в связи с предъявленными им обвинениями в совершении преступлений религиозного или политического характера, входят в уязвимую группу, подвергающуюся, в случае их выдачи в Узбекистан, реальному риску подвергнуться обращению, противоречащему [с]татье 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 34 постановления).

«[З]аявитель постоянно и определенно возражал – в ходе судебных разбирательств по вопросу о выдаче, административном выдворении и получении статуса беженца – что он подвергался преследованию за религиозный экстремизм и членство в вышеупомянутой уязвимой группе. То же самое следовало из документов по выдаче, предоставленных запрашивающим органом власти Узбекистана. В постановлениях о международном розыске и задержании, а также в запросе о выдаче, представленных узбекскими властями, совершенно четко указывались основания для его выдачи, а именно, что заявитель разыскивался по уголовным обвинениям в религиозном и политическом экстремизме. Эти утверждения касательно его преступного поведения и характера совершенных им деяний оставались неизменными в течение всего судопроизводства, проводимого в Российской Федерации» (пункт 35 постановления).

«Один этот факт, рассматриваемый в контексте международных докладов о систематическом жестоком обращении с лицами, обвиненными в совершении преступлений по религиозным и политическим мотивам, был достаточным для того, чтобы отнести заявителя к группе лиц, подвергающихся серьезному риску подвергнуться жестокому обращению в случае их высылки в Узбекистан» (пункт 36 постановления).

«[Н]есмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со стороны узбекских правоохранительных органов, 22 октября 2013 года, Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его выдачу в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков, и просто сослалась на отсутствие «препятствий» для высылки ... Властями не было представлено никакого

доказательства того, что Генеральная прокуратура попыталась оценить риски экстрадиции заявителя в страну, где, согласно авторитетным международным источникам, систематически применялись пытки и права на защиту обычно игнорировались. Кроме того, Генеральная прокуратура безоговорочно положила на заверения, предоставленные узбекскими властями, что было несовместимо с принятой позицией Суда о том, что сами по себе такие заверения не являются достаточными, и что национальные органы власти должны с осторожностью относиться к таким заверениям в отношении пыток, данным государством, где пытки являются распространенным или непрекращающимся явлением ... Соответственно, Суд считает невозможным прийти к выводу о том, что утверждения заявителя о возможном жестоком обращении со стороны узбекских властей были должным образом рассмотрены органами прокуратуры» (пункт 39 постановления).

Суд считает, что «внутригосударственные суды также не оценили на должном уровне жалобы заявителя согласно [с]татье 3 Конвенции... [Суды] отказались рассматривать в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции обширный перечень ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и по-видимому, придали решающее значение гарантиям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены. Суду трудно соотносить авторитетные указания, которые были даны Верховным Судом [Российской Федерации] нижестоящим судам в его постановлении № 11 от 14 июня 2012 года, в котором было изложено требование о тщательном и всеобъемлющем рассмотрении заявлений о жестоком обращении, и ограниченное рассмотрение осуществленное им в настоящем деле. В этом отношении необходимо напомнить, что даже если национальные суды посчитали аргументы заявителя неубедительными в значительной степени, им следовало отклонить их только после тщательного анализа. Материалы, имеющиеся в распоряжении Суда, не дают ему основания полагать, что городской [суд]..., которому были предоставлены подтверждения существования реального риска жестокого обращения, в полной мере подкрепленные различными международными источниками, рассмотрел это утверждение с должным вниманием» (пункт 40 постановления).

Что касается личной ситуации заявителя, Суд отмечает, что «он был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предположительном участии в мусульманской экстремистской организации. Указанные обвинения составляли основания для запроса о выдаче и ордера на арест, выданных в отношении заявителя. Таким образом, его ситуация является аналогичной ситуации тех мусульман, которые распространяли свои религиозные убеждения за пределами официальных институтов и официальных рекомендаций, вследствие чего были обвинены в религиозном экстремизме и принадлежности к запрещенным религиозным организациям, и по этой причине, о чем говорится в вышеуказанных докладах и

постановлениях Суда, подвергались повышенной опасности жестокого обращения» (пункт 46 постановления)⁹⁰.

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе №20999/14 «Мухитдинов против России» (вынесено 21 мая 2015 г., вступило в силу 19 октября 2015 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод на то, что национальные власти не рассмотрели его заявления о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан, и что в случае такой экстрадиции он будет подвержен такому риску.

Суд установил, что заявитель «...был объявлен в розыск узбекскими властями в связи с обвинениями в предполагаемом участии в мусульманской экстремистской организации. Эти обвинения стали основанием для запроса об экстрадиции и постановления об аресте, выданного в отношении заявителя» (п. 53 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «...несмотря на то, что заявитель выдвинул обоснованное заявление о риске жестокого обращения с ним со стороны узбекских правоохранительных органов...Генеральная прокуратура Российской Федерации разрешила его экстрадицию в Узбекистан без рассмотрения существующих для заявителя рисков и просто сослалась на отсутствие «препятствий» для высылки» (п. 49 постановления).

Суд заключил, что «...внутригосударственные суды... не оценили на должном уровне жалобы заявителя согласно статье 3 Конвенции...[Суды] отказали в рассмотрении, в ходе судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции, широкого ряда ссылок на прецедентную практику Суда, доклады органов ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане и, по-видимому, придали решающее значение заверениям узбекских органов власти, принимая их как должное, без анализа контекста, в котором они были предоставлены, или осуществляя их подробную оценку в соответствии с требованиями Конвенции» (п. 50 постановления).

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также на тот факт, что он не мог добиться судебного пересмотра содержания под стражей в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Суд отметил, что «...экстрадиция заявителя была разрешена в отношении преступлений, которые классифицируются в качестве преступлений средней тяжести в соответствии с российским

⁹⁰ См. также постановления Европейского Суда по жалобам № 66373/13 «Халиков против России», №14743/11 «Абдулхаков против России», №49747/11 «Махмуджан Эргашев против России».

законодательством. В таких обстоятельствах максимальный период содержания под стражей установлен законом в качестве шести месяцев, и в случае заявителя он истек 30 декабря 2013 г. Его содержание под стражей после указанной даты перестало являться законным в соответствии с внутрисударственным законодательством... [С]ледовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пп. 84-85 постановления).

Европейский Суд также заключил, что «...[о]бластной суд в первую очередь рассмотрел жалобу заявителя по существу и вынес распоряжение о его освобождении только... через семьдесят дней после того, как его содержание под стражей перестало являться законным. Из этого следует, что рамки судебного пересмотра являлись явно ненадлежащими и что соответствующие судебные разбирательства не являлись «безотлагательными» согласно значению пункта 4 статьи 5 Конвенции» (п. 97 постановления).

Кроме того, представители заявителя утверждали, что его исчезновение и возможное незаконное выдворение из России, непринятие российскими властями необходимых защитных мер, и отсутствие эффективного расследования по данному вопросу привели к нарушению обеспечительной меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Вместе с тем Европейский Суд отметил, что «...уголовное расследование возможного похищения заявителя было начато незамедлительно... возбуждение уголовного дела является наилучшей, если не единственной, процедурой в российской системе уголовного права, способной соблюсти требования Конвенции к эффективному расследованию» (п. 66 постановления).

Суд установил, что «...исчезновение заявителя приводит к возникновению опасного положения, в котором он лишен защиты, предоставляемой механизмом Конвенции, и лишен возможности участия в разбирательствах в Суде, и ставит под вопрос исполнение постановления, если оно вступит в силу...Следовательно... Россия проигнорировала обеспечительную меру, указанную Судом в настоящем деле в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, в нарушение обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции» (пп. 95-96 постановления).

практика Комитета против пыток

Сообщение: *X. против Российской Федерации*. Сообщение № 542/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что узбекские власти направили запрос об экстрадиции спустя 10 лет после того, как приговор в отношении заявителя стал окончательным и обязательным к исполнению, причем в течение этого периода заявитель свободно проживал в Узбекистане, получил справку об отсутствии судимости,

паспорт и выездную визу и совершил ряд беспрепятственных поездок в Российскую Федерацию. Он отмечает... что согласно имеющимся фактам запрос на экстрадицию был направлен непосредственно после того, как заявитель подал жалобу в Комитет по поводу экстрадиции его брата в Узбекистан, что в свете существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в этой стране дает достаточные основания полагать, что после его экстрадиции заявителю угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток. Комитет считает, что в этих обстоятельствах государственные органы и суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проверить все утверждения заявителя и оценить на основании национальных и международных норм потенциальную опасность применения пыток к заявителю. На основании имеющихся в деле материалов нельзя сделать вывод о том, что государственные органы, включая суды, провели надлежащую работу, чтобы отреагировать на выраженную заявителем обеспокоенность, связанную с запросом на экстрадицию с истекшим сроком давности, и дать оценку его личным обстоятельствам в контексте общей ситуации с правами человека в Узбекистане. В свете сказанного выше Комитет считает, что государственные органы государства-участника не выполнили свое обязательство надлежащим образом рассмотреть утверждение заявителя о том, что ему угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток после возвращения в Узбекистан (п. 11.8 Решения).

Выводы Комитета: с учетом обстоятельств данного дела решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан является нарушением государством-участником своих обязательств в соответствии со ст. 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] (п. 11.8 Решения).

Сообщение: *Хайрулло Турсунов против Казахстана.* Сообщение № 538/2013. Решение принято Комитетом против пыток (далее – Комитет) 8 мая 2015 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение адвоката о том, что пытки и жестокое обращение, особенно в отношении экстрадированных просителей убежища, по всей видимости, применяются в Узбекистане систематически. Он отмечает далее подробно изложенные утверждения о том, что в прошлом, до отъезда в Казахстан, заявитель подвергался преследованиям по религиозным мотивам и жестокому обращению со стороны узбекских властей. Он... принимает к сведению тот аргумент защитника, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по итогам которого было принято решение о высылке заявителя, не являлось справедливым, поскольку заявителю не были обеспечены услуги переводчика; что суды не рассмотрели по существу

утверждений заявителя о том, что в случае экстрадиции ему грозят пытки, и не рассмотрели в порядке судебного надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища. Он далее отмечает утверждения государства-участника, будто заявитель и его адвокат были поставлены в известность о праве просить об услугах переводчика, но не сделали это; что УВКБ⁹¹, поначалу не согласившись с решением по итогам рассмотрения ходатайства, позднее оставило за государством-участником право принять решение по вопросу об экстрадиции заявителя. Помимо этого, государство-участник выразило то мнение, что процедура экстрадиции соответствовала и внутренним, и международным нормам, и что суды, рассматривавшие апелляционные жалобы заявителя по поводу решения об экстрадиции, не правомочны рассматривать в порядке надзора решение Комитета по миграции об отклонении его ходатайства об убежище. Комитет надлежащим образом принимает во внимание заявление государства-участника о полученных от узбекских властей заверениях в том, что заявитель не будет подвергнут преследованиям по политическим мотивам или по соображениям расы, вероисповедания, гражданства или политических взглядов; что он не будет подвергнут пыткам, насилию либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он ... отмечает представленную адвокатом информацию о том, что после экстрадиции в Узбекистан заявитель был приговорен там к 16 годам тюремного заключения, при том что в ходе уголовного следствия он, предположительно, подвергался давлению и жестокому обращению, что стало причиной вынужденного признания заявителем вины за преступления и его молчания в ходе судебных слушаний. И наконец, Комитет отмечает тот аргумент государства-участника, что существо уголовного дела согласуется с обвинениями против заявителя, указанными в запросе об экстрадиции, и что вынесенный приговор не ставил целью подвергнуть его репрессиям или пыткам (пункт 9.5 Решения).

Комитет отмечает, что заявитель, по имеющимся сообщениям, исповедует свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Он ... отмечает, что заявитель был экстрадирован по запросу Узбекистана, в котором содержались обвинения в тяжких преступлениях, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что он может представлять угрозу его интересам и безопасности. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях по второму периодическому докладу Казахстана обеспокоенность в связи с принудительным возвращением людей в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, а также в связи с отсутствием информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении (см. CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15). Он ... отмечает, что принцип невысылки, закрепленный в статье 3 Конвенции [против пыток и

⁹¹ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания], носит абсолютный характер и что возможная угроза безопасности не освобождает государство-участник от лежащей на нем обязанности не высылать или возвращать («*refouler*») лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток⁹² (пункт 9.7 Решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как исходя из его собственных заключительных замечаний, так и в свете представленной ему в данном случае информации существование в Узбекистане практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и серьезной угрозы применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов, является в достаточной мере доказанным. В этой связи он отмечает утверждения заявителя о том, что до отъезда в Казахстан он был объектом преследований по религиозным мотивам, включая помещение под стражу и пытки (пункт 9.8 Решения).

В данном случае Комитет отмечает, что заявитель, который ранее подвергался преследованиям в Узбекистане по причине своих религиозных убеждений и был обвинен в создании в стране экстремистской организации и терроризме и экстрадирован государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировал наличие для него предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В этих условиях суды государства-участника были обязаны надлежащим образом проанализировать вероятность применения пыток в отношении заявителя, руководствуясь положениями как национального законодательства..., так и международными нормами (например, статья 3 Конвенции). Поэтому Комитет приходит к заключению о том, что власти государства-участника не выполнили своего долга провести индивидуальную оценку риска перед возвращением заявителя в Узбекистан (пункт 9.9 Решения).

Касаясь дипломатических заверений, полученных государством - участником от узбекских властей в качестве достаточной защиты от этой явной угрозы, Комитет напоминает, что такие заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа невысылки. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, ведет ли оно мониторинг в той или иной форме в период после выдворения и предпринимает ли оно какие-либо меры, призванные обеспечить объективность, беспристрастность и достаточную убедительность этого мониторинга (пункт 9.10 Решения).

⁹² См., *mutatis mutandis*, сообщения № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*; № 39/1996, *Паес против Швеции*, Соображения, принятые 28 апреля 1997 г.; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*, Соображения, принятые 10 ноября 1998 г., пункт 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, решение, принятое 16 ноября 2007 г.

Выводы Комитета: экстрадиция государством-участником заявителя в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.] (пункт 9.9 Решения).

Сообщение: *Мумин Насиров против Казахстана.* Сообщение № 475/2011. Решение принято Комитетом 14 мая 2014 г.

Тема сообщения: угроза выдачи брата заявителя в Узбекистан.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет ссылается на свои заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Узбекистана, в которых он выразил обеспокоенность в связи с поступающими многочисленными и согласующимися друг с другом утверждениями о том, что пытки и жестокое обращение постоянно используются сотрудниками правоохранительных и следственных органов или по их подстрекательству или с их согласия, а также о том, что лишенные свободы лица подвергаются пыткам или жестокому обращению с целью принуждения их к даче признательных показаний и что такие показания впоследствии принимаются судами в качестве доказательств без проведения тщательного расследования утверждений о применении пыток (CAT/C/UZB/CO/4, пункты 7 и 16) (пункт 11.5 Решения).

Комитет отмечает, что с запросом о выдаче брата заявителя обратились власти Узбекистана, обвиняющие его в совершении тяжких преступлений, включая терроризм, религиозный экстремизм, посягательства на конституционный строй и, в частности, участие в андижанских событиях. Комитет повторно заявляет о своей обеспокоенности, которую он выразил в своих заключительных замечаниях по итогам рассмотрения второго периодического доклада Казахстана, по поводу утверждений о принудительном возвращении в Узбекистан во имя борьбы с терроризмом и в связи с отсутствием информации об условиях возвращенных лиц, обращении с ними и их местонахождении после их передачи (CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15). Он ... напоминает о том, что содержащийся в статье 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] принцип недопустимости возвращения является абсолютным и что борьба с терроризмом не освобождает государство-участник от соблюдения своего обязательства воздерживаться от высылки или возвращения («*refouler*») лиц в другие государства, в которых имеются серьезные основания полагать, что им будет угрожать опасность применения пыток⁹³. В этом контексте Комитет также указывает, что предусмотренный в статье 3 Конвенции [против пыток и

⁹³ См.: сообщения № 39/1996, *Паес против Швеции*. Соображения, принятые 28 апреля 1997 года; № 110/1998, *Нуньес Чипана против Венесуэлы*. Соображения, принятые Комитетом по правам человека 10 ноября 1998 г., пункт 5.6; и № 297/2006, *Сингх Соги против Канады*, Решение, принятое 16 ноября 2007 г.

других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] принцип недопустимости принудительного возвращения является абсолютным даже в том случае, если по результатам оценки в соответствии с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев лицо исключается из категории беженцев согласно пункту F c) статьи 1 названной Конвенции⁹⁴ (пункт 11.6 Решения).

Комитет считает, что информация, которой он располагает, достаточно убедительно подтверждает существование практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительного риска применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения в Узбекистане, в частности к лицам, обвиняемым в терроризме и в участии в андижанских событиях (пункт 11.7 Решения).

Комитет отмечает, что вопрос о том, угрожает ли брату заявителя применение пыток по возвращении в Узбекистан, был рассмотрен лишь Западно-Казахстанским областным судом в его решении от 7 мая 2012 года. Суд попросту отверг обвинения брата автора сообщения, заявив, что нет «конкретных доказательств или оснований», подтверждающих, что брат заявителя будет подвергнут пыткам, и не оценив или даже не приняв к сведению представленные доказательства существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в Узбекистане и многочисленные сообщения о том, что лица, обвиняемые в терроризме и участии в андижанских событиях, регулярно подвергаются пыткам (пункт 11.8 Решения).

Комитет приходит к выводу о том, что брат заявителя, который обвиняется в терроризме, нарушении конституционного строя Узбекистана, незаконном создании религиозной организации, изготовлении и распространении материалов, содержащих угрозу общественной безопасности и общественному порядку, создании религиозных экстремистских, сепаратистских, фундаменталистских или иных запрещенных организаций и участии в них в связи с его предполагаемым участием в организации андижанских событий, достаточно убедительно доказал наличие предсказуемой, реальной и личной опасности применения пыток по возвращении в Узбекистан (пункт 11.9 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток заключает, что выдача брата заявителя Узбекистану будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12 Решения).

Сообщение: *Тоиржон Абдусаматов против Казахстана.* Сообщение № 413/2010. Решение Комитета от 1 июня 2012 г.

Тема сообщения: выдача заявителя в Узбекистан.

⁹⁴ См.: сообщение № 444/2010, *Абдусаматов и др. против Казахстана*, Решение, принятое 1 июня 2012 г., пункт 13.7.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению доводы адвоката о том, что заявители и другие лица, возвращенные в Узбекистан в соответствии с запросами об экстрадиции, содержались под стражей без связи с внешним миром и, следовательно, подвергались угрозе пыток или жестокого обращения. Он также принимает к сведению заявление адвоката о том, что в Узбекистане на систематической основе применяются пытки и жестокое обращение и что мусульмане, отказывающиеся исповедовать свою веру под контролем государства, а также лица, обвиняемые в религиозном экстремизме и посягательстве на свержение конституционного строя, в первую очередь сталкиваются с такой угрозой. Комитет также отмечает, что государство-участник отклонило ходатайство заявителей о предоставлении убежища или восстановлении аннулированного статуса беженцев⁹⁵ на том основании, что они представляют угрозу для государства-участника и могут нанести серьезный ущерб его безопасности и безопасности других стран. Он также принимает к сведению довод адвоката о том, что судебное разбирательство в государстве-участнике, по результатам которого заявители были экстрадированы, было несправедливым, поскольку заявителям не были предоставлены услуги переводчика, доступ заявителей к адвокатам был ограничен, а адвокатам было отказано в доступе к материалам дела. Комитет далее принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что за судопроизводством осуществляли надзор представители УВКБ⁹⁶ и Бюро по правам человека государства-участника, не получившие никаких жалоб, и что заявителям гарантировалась правовая помощь и услуги переводчика. Что касается утверждения заявителей о том, что в Узбекистане им угрожает применение пыток, то Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что Узбекистан является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток и что Узбекистаном были представлены дипломатические заверения в том, что заявители не будут подвергнуты пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Он также отмечает, что, согласно государству-участнику, Узбекистан заверил его в том, что международные организации могут осуществлять мониторинг в местах содержания под стражей. Комитет отмечает, что адвокат опроверг это утверждение, указав, что правила МККК⁹⁷ исключают возможность предоставления властям государства-участника какой-либо информации и что другим упомянутым организациям не был предоставлен доступ в места содержания под стражей. Комитет далее принимает к сведению заявление адвоката о том, что УВКБ выступило против экстрадиции четырех из 29 заявителей и что адвокату не был предоставлен

⁹⁵ У 12 заявителей вплоть до августа 2010 г. был предоставляемый УВКБ статус беженцев.

⁹⁶ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев.

⁹⁷ Международный комитет Красного Креста.

доступ к информации о позиции УВКБ по остальным делам (пункт 13.5 Решения).

Что касается существования постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, то Комитет ссылается на свои заключительные замечания по третьему периодическому докладу Узбекистана,⁹⁸ в которых он выразил свою озабоченность в связи с многочисленными, непрекращающимися и согласующимися друг с другом сообщениями о систематическом применении пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания со стороны сотрудников правоохранительных и следственных органов или при их подстрекательстве или с их ведома, а также в связи с тем, что лица, пытавшиеся найти убежище за границей и возвращенные в страну, содержатся в заключении в неизвестных местах и, возможно, подвергаются актам, представляющим собой нарушение Конвенции (пункт 13.6 Решения).

Комитет отмечает, что все 29 заявителей являются мусульманами, которые, согласно сообщениям, исповедуют свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов или принадлежат к религиозным экстремистским организациям. Он также отмечает, что заявители были экстрадированы в ответ на запрос Узбекистана, в котором они обвинялись в совершении тяжких преступлений, включая религиозный экстремизм и посягательство на свержение конституционного строя, и на основании вывода государства-участника о том, что они представляют угрозу для безопасности его граждан и граждан других стран. Комитет вновь подтверждает выраженную в его заключительных замечаниях обеспокоенность в связи с принудительным возвращением лиц в Узбекистан по соображениям региональной безопасности, включая борьбу с терроризмом, без какой-либо информации об условиях их содержания, обращении с ними и их местонахождении⁹⁹ (пункт 13.7 Решения).

С учетом обстоятельств данного дела Комитет считает, что как в его собственных заключительных замечаниях, так и в представленных ему материалах были приведены достаточные доказательства того, что в Узбекистане существует практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и значительная угроза применения пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, в особенности в отношении лиц, исповедующих свою религию вне официально разрешенных религиозных институтов. Кроме того, он отмечает, что, согласно утверждениям заявителей, они подверглись религиозным преследованиям, включая в некоторых случаях задержание и пытки, до того, как бежали в Казахстан (пункт 13.8 Решения).

В рамках настоящего дела Комитет отмечает, что государство-участник не представило доказательств в письменной или устной форме, опровергающих утверждения заявителей о том, что производство по вопросам

⁹⁸ CAT/C/UZB/CO/3.

⁹⁹ CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 15.

экстрадиции не отвечало минимальным требованиям справедливого судебного разбирательства (например, достаточное время для подготовки к защите, ограниченный доступ к адвокатам и услугам переводчиков), и что им не была проведена индивидуальная оценка личной опасности для каждого заявителя подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет отмечает, что, хотя суд первой инстанции (Комитету были представлены некоторые решения) ссылается как на внутреннее законодательство, так и на Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, им не была проведена индивидуальная оценка опасности в соответствии со статьей 3 Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания] и принципом недопустимости принудительного возвращения, закрепленным во внутреннем законодательстве. Помимо этого, государство-участник отказалось соблюдать временные меры, запрошенные Комитетом. Государство-участник также не рассмотрело приведенные заявителями доводы о несправедливом судебном разбирательстве и угрожающей им лично опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не рассмотрело должным образом утверждения заявителей о том, что им угрожает предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В контексте настоящего дела и принимая к сведению письменные и устные заявления сторон, Комитет приходит к выводу, что заявители, каждому из которых были предъявлены обвинения в религиозном экстремизме или принадлежности к экстремистской или террористической группе в Узбекистане и которые были экстрадированы государством-участником на основании этих обвинений, в достаточной степени продемонстрировали наличие для них предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Узбекистан. В силу этого Комитет заключает, что с учетом обстоятельств данного дела допущенная государством-участником экстрадиция заявителей в Узбекистан является нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 13.9 Решения).

Кроме того, государство-участник сослалось на получение дипломатических заверений в качестве достаточной гарантии защиты от такой явной опасности. Комитет напоминает, что дипломатические заверения не могут быть использованы в качестве инструмента, позволяющего избежать соблюдения принципа недопустимости принудительного возвращения. Комитет отмечает, что государство-участник не привело достаточно конкретной информации о том, осуществляет ли оно мониторинг в какой-либо форме и предпринимало ли оно какие-либо меры для обеспечения того, чтобы мониторинг носил объективный, беспристрастный и достаточно достоверный характер (пункт 13.10 Решения).

Выводы Комитета: Комитет против пыток... постановляет, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3 и 22 Конвенции (пункт 14 Решения).

Установлено отсутствие нарушения права лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, не подвергаться в запрашивающем государстве пыткам, иным формам недопустимого обращения (наказания)

практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 30225/11 «**Бакоев против России**» (вынесено 5 февраля 2013 г., вступило в силу 5 мая 2013 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд «осознает тот факт, что в ряде случаев он устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в делах, касавшихся выдачи или высылки в Узбекистан. Однако заявители в этих делах преследовались по обвинениям, мотивированным политическим и/или религиозным преследованием... Европейский Суд также установил, что заявитель подвергается реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, хотя он разыскивался не по политическим мотивам. Вместе с тем в этом деле Европейский Суд учел, что члены семьи заявителя были задержаны или преследовались в Узбекистане, что их версии жестокого обращения были взаимно согласованными и представлялись достоверными и что сам заявитель ранее задерживался и осуждался при подозрительных обстоятельствах. В связи с этим Европейский Суд признал описание заявителем жестокого обращения, имевшего место ранее, подробным и убедительным» (пункт 116 постановления).

«[З]аявитель разыскивается властями Узбекистана по обвинению в мошенничестве. В своих объяснениях Европейскому Суду заявитель прямо указал, что не является членом политической или религиозной организации ... Кроме того, как отметил Московский городской суд в решении от 19 октября 2011 г., в разбирательстве о выдаче Узбекистану заявитель отрицал, что когда-либо подвергался политическим преследованиям в этой стране, и не ссылаясь на то, что лично он подвергался жестокому обращению со стороны правоохранительных органов Узбекистана. Точно так же он никогда не упоминал, что его родственники, которые проживают в Узбекистане..., проявляли политическую или религиозную активность или преследовались» (пункт 117 постановления).

Европейский Суд отмечает, что «в национальном разбирательстве и своих объяснениях Европейскому Суду заявитель в общих выражениях упоминал угрозу жестокого обращения. По сути единственный довод, выдвинутый им в поддержку своего утверждения, заключался в ссылке на практику нарушений прав человека, включая пытку, распространенную в Узбекистане. Заявитель не делал попыток в национальном разбирательстве

или Европейском Суде сослаться на личные обстоятельства и обосновать опасение жестокого обращения в Узбекистане» (пункт 118 постановления).

Европейский Суд признает, что «национальные власти, включая суды двух инстанций, надлежащим образом рассмотрели доводы заявителя и отклонили их как необоснованные подробными и мотивированными решениями. Материалы дела не дают оснований сомневаться в том, что власти страны адекватно оценили угрозу жестокого обращения в случае выдачи заявителя Узбекистану. Европейский Суд не усматривает причин для отхода от выводов судов страны при обстоятельствах настоящего дела» (пункт 119 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его содержание под стражей привело к нарушению подпункта пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В этой связи Суд отметил, что «...заявитель никогда не утверждал, что находился в правовом вакууме. Напротив, заявитель утверждал, что власти задержали его на основании статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Суд отмечает, что в рамках соответствующего национального законодательства, в отношении лиц, задержанных в соответствии с вышеуказанной статьей, должен быть составлен официальный протокол, и они должны его подписать. Кроме того, данные лица должны быть допрошены, и должны быть составлены протоколы их допроса... Поэтому, допуская, что заявитель был задержан на основании вышеуказанных правовых положений, он должен был, в принципе, иметь при себе копии этих документов и мог бы представить их Суду, чтобы подтвердить свои утверждения. Кроме того, заявитель не представил никаких документальных доказательств того, что в течение рассматриваемого периода он предпринимал попытки обратиться в суд, оспаривая свое предполагаемое задержание. Данная возможность была предоставлена ему в соответствии с национальным законодательством... В этой связи, Суд считает необходимым отметить, что, как видно из обстоятельств дела, на протяжении всего разбирательства в ожидании экстрадиции в Узбекистан интересы заявителя были представлены адвокатом, и заявитель никогда не утверждал о невозможности связаться с защитником в любой момент, во время своего предполагаемого задержания» (п. 136 постановления).

Суд установил, что «..в обоих постановлениях [о заключении под стражу] прокурор ссылаясь на [часть] 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса РФ - положение, которое дало ему право заключить заявителя под стражу без получения санкции суда Российской Федерации, ввиду получения им требования о выдаче заявителя, которое сопровождалось постановлением иностранного суда о заключении заявителя под стражу» (п.143 постановления).

Европейский Суд усомнился в том, что «... сами по себе, вышеупомянутые правовые положения удовлетворяют требованиям «качества закона»... Действительно, в положении ничего не говорится о порядке, который необходимо соблюдать при вынесении постановления о заключении

под стражу или продлении срока содержания лица, выдача которого запрашивается, под стражей, а не устанавливая какие-либо сроки для содержания под стражей» (п. 144 постановления).

Суд подчеркнул, что «...постановления прокурора, рассматриваемые в настоящем деле не ссылались на какие-либо положения внутреннего законодательства, будь то положения главы 13 Уголовно-процессуального кодекса РФ или иным способом подтверждающие компетенцию данного прокурора выносить постановления о заключении заявителя под стражу. Также в постановлениях не был установлен срок содержания заявителя под стражей или даны ссылки на национальные правовые положения об установлении такого срока» (п. 147 постановления).

Европейский Суд заключил, что «...Таким образом, лишение свободы, которому подвергся заявитель, не сопровождалось адекватными гарантиями защиты от произвола. Будучи примененной подобным образом, национальная система не защитила заявителя от произвольного содержания под стражей, и по этой причине содержание его под стражей не может считаться «законным» в контексте пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п. 149 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 55822/10 *«Шакуров против России»* (вынесено 5 июня 2012 г., вступило в силу 22 октября 2012 г.).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд осознает тот факт, что «в ряде случаев он устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в делах, касавшихся выдачи или высылки в Узбекистан. Однако заявители в этих делах преследовались по обвинениям, мотивированным политическим и/или религиозным преследованием... Заявитель в настоящем деле преследовался в Узбекистане по обвинению в дезертирстве, которое относится к разряду обычных уголовных преступлений Хотя заявитель привел довод об угрозе политического преследования, в частности, по причине плохого знания узбекского языка, этот довод не является обоснованным» (пункт 136 постановления).

«Европейскому Суду не было предоставлено никаких доказательств того, что русскоязычные и не имеющие узбекского происхождения лица, подозреваемые в совершении преступлений, подвергались иному обращению, чем подозреваемые в совершении преступлений этнические узбеки. Доводы заявителя о том, что в Узбекистане любой подозреваемый подвергается угрозе жестокого обращения, не являются убедительными. К тому же материалы, представленные Европейскому Суду, не указывают на то, что заявитель принадлежит к какому-либо запрещенному религиозному движению или какой-либо уязвимой группе, подвергаемой жестокому обращению в запрашивающем государстве, или что он или члены его семьи ранее преследовались или подвергались жестокому обращению в Узбекистане...

Таким образом, заявитель не обосновал каких-либо личных обстоятельств, которые оправдывали бы его опасения по поводу жестокого обращения в этой стране» (пункт 137 постановления).

«[В] рамках процедуры выдачи заявитель в основном отвергал обвинения, выдвинутые против него в Узбекистане, и ссылаясь на общие неудовлетворительное экономическое положение и ситуацию с правами человека в этой стране. Он утверждал, что покинул Узбекистан в целях обеспечения благополучия семьи, в частности, материального положения ... Заявитель не обращался за предоставлением ему политического убежища или статуса беженца до января 2010 года, то есть после его заключения под стражу в целях выдачи и истечения более чем семи лет после прибытия в Россию... Заявитель приводил те же основания в своих ходатайствах, что и в жалобах на решение о выдаче ... На допросе в ФМС в марте 2010 года заявитель утверждал, что опасается лишения свободы за дезертирство, уголовное преступление, которого он не совершал ... Очевидно, заявитель не обжаловал отказы в предоставлении ему статуса беженца и политического убежища в национальных судах. Европейский Суд далее отмечает, что только во втором ходатайстве о предоставлении временного убежища в январе 2011 года заявитель сделал попытку обосновать свои опасения жестокого обращения в результате политически мотивированного преследования, ссылаясь на доклады международных наблюдателей и прецедентную практику Европейского Суда, хотя и касавшихся различных контекстов» (пункт 138 постановления).

«[З]аявитель не подтвердил предположения о персональной угрозе жестокого обращения в Узбекистане, и, таким образом, не обосновал свои доводы о том, что его выдача будет нарушать статью 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод]» (пункт 139 постановления).

Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 66317/09 «*Элмуратов против России*» (вынесено 3 марта 2011 г., вступило в силу 15 сентября 2011 г).

Оценка Европейским Судом по правам человека фактических обстоятельств дела: Европейский Суд учитывает «тревожные доклады о ситуации с правами человека в Узбекистане ..., которая, по общему признанию, далека от идеального состояния. Несмотря на это он подчеркивает, что ссылки на общую проблему относительно прав человека в конкретной стране не могут сами по себе служить основанием для отказа в выдаче» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд принимает во внимание, что «в нескольких случаях он установил нарушение статьи 3 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] в делах, касавшихся выдачи лиц Узбекистану. Однако заявители в этих делах обвинялись в политических преступлениях ... и, таким образом,

являлись представителями группы, систематически испытывающей на себе практику жестокого обращения» (пункт 83 постановления).

«Заявитель в настоящем деле обвинялся в Узбекистане в краже при отягчающих вину обстоятельствах, обыкновенном преступлении против права собственности. Он не утверждал, что преследовался по политическим мотивам. Также он не утверждал, что принадлежит к какому-либо запрещенному религиозному движению. Из материалов, находящихся в распоряжении Европейского Суда, не следует, что заявитель принадлежит к какой-либо другой уязвимой группе, подвергающейся жестокому обращению в запрашивающем государстве. Доводы заявителя о том, что любой подсудимый по уголовному делу подвергается риску жестокого обращения, слишком обобщенные, а какие-либо указания на то, что ситуация с правами человека в запрашивающем государстве настолько серьезна, что вынуждает ввести полный запрет на выдачу ему лиц, отсутствуют. Следовательно, нельзя утверждать, что заявитель указал на какие-либо личные обстоятельства, которые могут обосновать его страх перед жестоким обращением» (пункт 84 постановления).

В своих доводах в Европейском Судае заявитель не указал «каких-либо подробностей относительно его предполагаемых избиений. Госпитализация заявителя между 7 и 16 июня 2004 г. ... была вызвана травмами, нанесенными им самим, и не являлась следствием жестокого обращения со стороны правоохранительных органов. Заключение медицинской экспертизы, приложенное к его объяснениям по поводу приемлемости и существования жалобы..., не определяет даты причинения травм и не может само по себе являться доказательством жестокого обращения. Европейский Суд, таким образом, не может заключить, что описание заявителем предыдущего жестокого обращения в 1994 - 2004 годах является детализированным или убедительным» (пункт 86 постановления).

«[В]ажным является то обстоятельство, что в ходе процедур выдачи в России заявитель ни разу не сообщал о жестоком обращении со стороны узбекских властей. В своих жалобах на процедуру выдачи заявитель и его адвокат ссылались только на прецедентную практику Европейского Суда, которая не относилась к личной ситуации заявителя ..., и указывали на общую неудовлетворительную ситуацию с правами человека в запрашивающем государстве, как ее описывают международные наблюдатели ... Он впервые сообщил о случае жестокого обращения с ним в жалобе на отказ в предоставлении ему временного убежища 10 февраля 2010 г...., когда решение о выдаче стало уже окончательным. В этих обстоятельствах Европейский Суд не может установить, что заявитель обосновал свои доводы об индивидуальном характере риска жестокого обращения в запрашивающем государстве» (пункт 87 постановления).

Заявитель также подал жалобу на нарушение пункта 1 (с) статьи 5 Конвенции в связи с тем, что его содержание под стражей во время рассмотрения вопроса о выдаче было «незаконным».

Суд установил, что «...тот факт, что заключение заявителя под стражу не было подтверждено постановлением суда Российской Федерации, является явным нарушением пункта 4 статьи 108 УПК РФ» (п. 109 постановления).

Европейский Суд отметил, что «...также допуская, что изначальное заключение заявителя под стражу соответствовало положениям национального законодательства, оно перестало быть «законным» по истечению двухмесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 109 УПК РФ. В пункте 2 статьи 109 УПК РФ недвусмысленно говорится, что двухмесячный срок содержания под стражей может быть продлен до шести месяцев только на основании решения, принятого судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня. Однако в настоящем деле суды Российской Федерации не продлили срок содержания заявителя под стражей по истечении двух месяцев. Первое судебное постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей было вынесено лишь 19 октября 2009 года, когда...городской суд просто определил, что заявитель должен быть оставлен под стражей на неопределенный период... При подобных обстоятельствах Суд обязан заключить, что после 27 июня 2009 года, то есть по прошествии двух месяцев с даты заключения под стражу, заявитель содержался под стражей в нарушение национального законодательства» (п. 110 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «...содержание заявителя под стражей во время рассмотрения вопроса о выдаче не может быть признано «законным» в свете пункта 1 статьи 5 Конвенции» (п.111 постановления).